

«Артист» сыграл для часовщика: Жан Дюжарден взял часы F.P. Journe /с. 33

Женева сверяет часы с кризисом /с. 28
Jaeger-LeCoultre смотрит в небо /с. 20
Vacheron Constantin
проверяет пульс /с. 16
Все Bvlgari ведут в Рим /с. 48
Годы и украшения
Людовика XIV /с. 46
Часы Cartier —
что женщина ни сделает
для мужчин /с. 49
Антонио Кальче
возглавил
Sowind Group /с. 27

Cartier

Новая Коллекция *Ballon Blanc de Cartier*

BVLGARI

БУТИКИ BVLGARI

МОСКВА: ТРЕТЬЯКОВСКИЙ ПР., 1/1; ПЛ. ЕВРОПЫ, 2, Г-ЦА «РЭДИССОН СЛАВЯНСКАЯ»;
ЦУМ, УЛ. ПЕТРОВКА, 2; БАРВИХА LUXURY VILLAGE, 8-Й КМ РУБЛЕВО-УСПЕНСКОГО Ш.
С.-ПЕТЕРБУРГ: ДЛТ, УЛ. Б. КОНЮШЕННАЯ, 21-23А

И В АВТОРИЗОВАННЫХ ТОЧКАХ ПРОДАЖ BVLGARI

BVLGARI.COM

Коллекция «ЛЮЧЕА» Реклама

GARI

LVCEA
COLLECTION

ВЛАДИМИР ЖЕЛОНКИН
ПРЕЗИДЕНТ
АО «КОММЕРСАНТЪ»
МАРИЯ КОМАРОВА
ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ДИРЕКТОР
АО «КОММЕРСАНТЪ»
АЗЕР МУРСАЛИЕВ
ШЕФ-РЕДАКТОР
АО «КОММЕРСАНТЪ»
АНАТОЛИЙ ГУСЕВ
АРТ-ДИРЕКТОР АО,
АРТ-ДИРЕКТОР ПРОЕКТА
ЕЛЕНА НУСИНОВА
ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
НЕДЕЛОВЫХ ИЗДАНИЙ
АЛЕКСЕЙ ТАРХАНОВ
ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
ЕКАТЕРИНА ИСТОМИНА
ОБОЗРЕВАТЕЛЬ
ТАТЬЯНА БАКУШИНА
ГЛАВНЫЙ ХУДОЖНИК
МАРИЯ МАЗАЛОВА
ТЕКСТ-РЕДАКТОР
НАТАЛЬЯ КОВТУН
ВЫПУСКАЮЩИЙ РЕДАКТОР
ЕЛЕНА ВИЛКОВА
КОРРЕКТУРА
СВЕТЛАНА ШАПОВАЛЕНКО
БИЛД-РЕДАКТОР
ВИКТОРИЯ МИХАЙЛЕНКО
ФОТОРЕДАКТОР
КОНСТАНТИН ШЕХОВЦЕВ
ЕЛЕНА БОГОПОЛЬСКАЯ
ЕЛЕНА ЛАНГЕ
ДМИТРИЙ ШНЫРЕВ
ВЕРСТКА
ВАЛЕРИЯ ЛЮБИМОВА
КОММЕРЧЕСКИЙ ДИРЕКТОР
АО «КОММЕРСАНТЪ»
НАДЕЖДА ЕРМОЛЕНКО
ERMOLENKO@
KOMMERSANT.RU
ДИРЕКЦИЯ ПО РЕКЛАМЕ:
ОТДЕЛ ПРОДАЖ
НАТАЛЬЯ ЧУПАХИНА;
CHUPAHINA@
KOMMERSANT.RU
ОТДЕЛ РАЗМЕЩЕНИЯ
(499) 943 9108, (499) 943 9110,
(499) 943 9112, (495) 101 2353

ОТПЕЧАТАНО В ФИНЛЯНДИИ,
ТИПОГРАФИЯ «СКАНВЭБ АБ»,
КОРЪАЛАНКАТУ 27, КУОВОЛА.
ТИРАЖ 75 000 ЭКЗ.
ЦЕНА СВОБОДНАЯ

УЧРЕДИТЕЛЬ:
АО «КОММЕРСАНТЪ»
АДРЕС: 127055, Г. МОСКВА,
ТИХВИНСКИЙ ПЕР., Д. 11, СТР. 2.
ЖУРНАЛ ЗАРЕГИСТРИРОВАН
ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБОЙ
ПО НАДЗОРУ В СФЕРЕ СВЯЗИ,
ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ
И МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ
(РОСКОМНАДЗОР).
СВИДЕТЕЛЬСТВО
О РЕГИСТРАЦИИ СМИ —
ПИН № ФС77-38790 ОТ 29.01.2010

ФОТО НА ОБЛОЖКЕ:
ТАСС/ В© PANORAMIC/
ZUMAPRESS.COM

Алексей Тарханов

52__ Louis Vuitton
открыл фабрику
времени

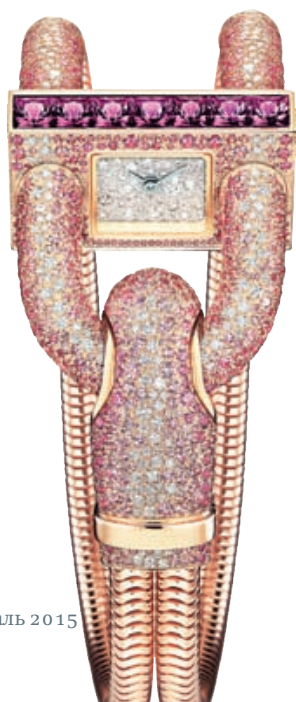
Часы отбивают кризис

Кризис — старый друг часовщиков. О нем говорят каждый год, но всегда для того, чтобы в конце Женевского салона с удовольствием сказать: «У страха глаза велики». Даже в самые лучшие времена часовые генералы не прочь были пожаловаться на то, что работать все труднее и труднее. Меж тем сама женевская ярмарка когда-то началась с кризиса. В 1991 году пять марок со скандалом ушли из Базеля. Демарш казался смехотворным — что они смогут противопоставить самой старой и мощной часовой выставке Швейцарии? Тогда счастью помогло несчастье. Часовые

гранды только-только вставляли на ноги после разрушительного кварцевого кризиса, поэтому ремесло возвращалось уже не просто как инженерное, но и как художественное. Часовому делу предстояло стать роскошью, а в группе Cartier, которая была инициатором побега,

45__ Марка Hublot
все поставила
на карту

«Нам хотелось вернуться к ювелирным часам, для которых совершенно необязателен округлый или прямоугольный корпус. Механизмы встраиваются в украшения, в брошь, кольцо. И яркий пример этому как раз Cadenas». *Никола Бос, Van Cleef & Arpels* стр. 18

18__ Van Cleef & Arpels,
Cadenas Pavee Saphirs
Roses, 2015

ОСНОВАН В 1755 ГОДУ В ЖЕНЕВЕ

Товар сертифицирован. Реклама

www.thehourlounge.com

www.vacheron-constantin.ru

А теперь и в Москве по новому адресу

г. Москва, ул. Петровка, д. 5, тел.: (495) 937-90-41

Patrimony Traditionnelle Калубр 2755

VACHERON CONSTANTIN

Manufacture Horlogère, Genève, depuis 1755.

февраль 2015

14__ Cartier работает для влюбленных

28__ SIHH отмечает 25 лет в Женеве

АЛЕКСЕЙ ТИХАНОВ

всегда понимали в роскоши. Было принято решение сделать самый роскошный салон в мире, часовую ванну с шампанским.

Так появился Salon International de la Haute Horlogerie (SIHH). В этом году ему исполнилось 25 лет, и никто уже не вспоминает о том, что он начинался как «салон отверженных». За несколько дней до его открытия Государственный банк Швейцарии сделал экспортерам роскоши весьма неприятный подарок. Он отпустил курс швейцарского франка, который до этого долго сдерживал по отношению к евро. Самая прочная валюта в мире была слишком

48__ Фабрицио Буонамасса изучает римскую историю Bvlgari

«НАША ГЛАВНАЯ ЗАДАЧА СЕГОДНЯ — КАК МОЖНО ЭФФЕКТНЕЕ И ГЛУБЖЕ ИГРАТЬ С НАШИМИ ПРИВЫЧНЫМИ КОДАМИ. НА САМОМ ДЕЛЕ, МАЛО КТО ЗНАЕТ, НАСКОЛЬКО БОГАТА ЧАСОВАЯ ИСТОРИЯ BVLGARI. СТОЛЬКО В НЕЙ СЕКРЕТОВ И НАХОДОК».

Фабрицио Буонамасса, Bvlgari стр. 48

желанной и могла взлететь в любой момент, вызвав мгновенное подорожание всего швейцарского экспорта, в первую очередь часов. Так и произошло. Франк прибавил 15–20%, и биржа отозвалась, заставив крупных часовых игроков отступить примерно на столько же. Глава марки H. Moser & Cie, расположенной в маленьком швейцарском часовом городишке Шаффхаузене, даже обратился с открытым письмом к главе

Желанная Коллекция *Perlée**
Кольца, розовое золото, белое золото и бриллианты.

Van Cleef & Arpels

Haute Joaillerie, place Vendôme since 1906**

Москва, СТОЛЕШНИКОВ 9 - (495) 937-9042, ГУМ - (495) 363-2064

Екатеринбург - (343) 215-6001, Киев - (38044) 279-4642

Алматы - (727) 315-5000, Баку - (99412) 497-7990

www.vancleefarpels.com

февраль 2015

35__Как вытанцевал
Jaquet Droz главный
редактор журнала
«Сноб» Сергей
Николаевич

швейцарского банка. Объяснив, что 95% выпускаемых им часов продаются за пределами Швейцарии, он рассказал, что в тот же день покупатели начали аннулировать заказы. Саркастически поблагодарив чиновника, он спросил его, что должно удержать его компанию, чтобы не переехать на два километра севернее, на германскую территорию, где давление франка кончается?

Так что на сей раз новости не ограничивались тем, что происходило под искусственным небом SIHH. Добавили вопросов и продолжающиеся покупки важнейших марок, назначения и переназначения их глав. О переменах в руководстве Rolex и в судьбе Ulysse Nardin мы уже рассказывали. Теперь изменения настигли Girard-Perregaux и JeanRichard. Давние и почтенные участники Женевского салона в 2011 году стали частью группы Kering Франсуа Пино и отбыли в Базель. Командовать ими

33__Франсуа-Поль
Журн отдал самое
дорогое Жану
Дюжардену

«ТЕМА АСТРОНОМИИ, ДВИЖЕНИЯ ЗВЕЗД, ЛУНЫ ОЧЕНЬ ВОЗВЫШЕННА И РОМАНТИЧНА. НАШИ КЛИЕНТЫ СЛЕДЯТ ЗА КОСМИЧЕСКИМИ ПРОЦЕССАМИ, НО ПРИ ЭТОМ ТЕЛЕСКОПЫ ИМ НЕ ТРЕБУЕТСЯ: ВСЕ ВИДНО НА ЗАПЯСТЬЕ».

Даниэль Риедо, Jaeger-LeCoultre стр. 20

41__О скелетах,
которые живее всех
живых, рассказывает
Тимур Бараев

назначили Микеле Софисти. В прошлом году он оставил руководство компанией, и только теперь у нее появился новый генеральный директор. Им стал недавно покинувший марку Corum Антонио Кальче. Наш старый знакомый не отказался поделиться со «Стилем» своим видением ситуации. Это первое его интервью российской прессе, если не первое вообще в новом качестве. Другая важная перемена — отставка Стефана Линдера, главы TAG Heuer. Жан-Клод Бивер, руководящий всеми часами LVMH, взял

28
DB

СОВРЕМЕННЫЙ ОБЛИК ЧАСОВОГО ИСКУССТВА

СФЕРИЧЕСКИЙ ИНДИКАТОР ФАЗЫ ЛУНЫ
БАЛАНСОВОЕ КОЛЕСО ИЗ КРЕМНИЯ/ПЛАТИНЫ
ТРОЙНАЯ ПРОТИВОУДАРНАЯ СИСТЕМА RARE-SHUTE
ПОДВИЖНЫЕ УШКИ

GPHG

GRAND PRIX D'HORLOGERIE DE GENÈVE

2011

Гран-при «Золотая стрелка»

ЭКСКЛЮЗИВНО В *Mercury*

ЦУМ, ул. Петровка, 2, тел. 8 800 500 8000
Третьяковский пр., 7, магазин Mercury, тел. 495 933 3393
Кутузовский пр-т, 31, магазин Mercury, тел. 495 933 3031
Барвиха Luxury Village, 8-й км Рублево-Успенского ш., магазин Mercury, тел. 495 225 8870

DE BETHUNE

L'ART HORLOGER AU XXIE SIÈCLE

февраль 2015

42__260 лет **Vacheron Constantin** отмечает
Алексей Кутковой

на себя командование в переходный период. Начатая им новая рекламная кампания называется «Don't Crack Under Pressure», «Не сдаваться под натиском», — и надо посмотреть, согнется ли TAG Heuer под неистовым натиском капитана Бивера. Об этом мы обязательно расспросим его в Базеле, до которого уже рукой подать.

46__Людовик XIV —
король пиара

«Усложнения, конечно, любопытны, но ГОРАЗДО ИНТЕРЕСНЕЕ ЗАНИМАТЬСЯ РАЗВИТИЕМ БАЗОВОГО МЕХАНИЗМА. Столько всего еще предстоит сделать в часовом спуске, в колесной передаче, в креплении и амортизации шестеренок! Это ЦЕЛАЯ ВСЕЛЕННАЯ».

Дени Флажол, De Bethune стр. 50

43__Ар-деко — стиль
«забыть о войне!»

Календарь с часами: 2015

Первый выпуск «Стиль-Часы» нынешнего года посвящен итогам состоявшегося в Женеве Салона высокого часового искусства. Следующий номер выйдет после Базельской выставки в середине апреля и, как обычно, расскажет о часах и драгоценностях наступившего сезона. Третий выпуск намечен на конец сентября — он будет посвящен участникам благотворительного аукциона **Only Watch**. И, наконец, заключительный, ноябрьский номер познакомит с победителями главного часового состязания в мире **Grand Prix de Geneve**.

URWERK ПРЕДСТАВЛЯЕТ **UR-210** ALTIN
ЧАСЫ С ВРАЩАЮЩЕЙСЯ САТЕЛЛИТНОЙ СИСТЕМОЙ
ИНДИКАЦИИ ЧАСА И МИНУТНОЙ FLYBACK-СТРЕЛКОЙ*

URWERK®
BAUMGARTNER & FREI ZÜRICH/GENÈVE

URWERK происходит от названия древнего города Ур, одного из центров древней Месопотамии. Более 6 тысяч лет назад населявшие его шумеры стали первыми, кто разложил время на единицы, положив таким образом начало исчислению времени, которое мы используем сегодня. Наша работа – дань уважения прошлому, так тесно связанному с настоящим. Ощутите вместе с нами связь времен.

WWW.URWERK.COM

ЭКСКЛЮЗИВНО В *Mercury*

ЦУМ, ул. Петровка, 2, тел. 8 800 500 8000
Третьяковский пр., 7, магазин Mercury, тел. 495 933 3393
Кутузовский пр-т, 31, магазин Mercury, тел. 495 933 3031

Барвиха Luxury Village, 8-й км Рублево–Успенского ш., магазин Mercury, тел. 495 225 8870

МЫ ВСЕГДА БЫЛИ ПЕРВООТКРЫВАТЕЛЯМИ СТАНИСЛАС ДЕ КЕРСИС, CARTIER

АЛЕКСЕЙ ТАРХАНОВ

МЫ СОЗДАЕМ СТИЛИ, А ВСЕ ОСТАЛЬНЫЕ
СЛЕДУЮТ ЗА НАМИ

Станислас де Керсис руководит великим французским домом Cartier, который в последние годы показывает (в том числе — и в рамках Женевского часового салона) не только ювелирные и формальные часы, но и сложнейшие инновационные модели.

— У марки Cartier на Женевском салоне, как всегда, много премьер. Это и ювелирные часы, и новые версии ваших классических моделей, и замечательные технические изобретения. На что сделана главная ставка в 2015 году?

— Мы представляем совершенно новую модель дома Cartier — это Cle de Cartier. Часы, которые, я уверен, войдут в большую часовую семью нашей марки. В Cle de Cartier соблюдены все наши коды, и новая модель немедленно распознается как модель дома Cartier. Вне сомнений, эти часы обогатят уже существующие часовые линейки. Кроме того, в Cle de Cartier мы предлагаем свой новый фокус, ведь без него мы никогда не обходимся! Речь в данном случае идет об оригинальной конструкции заводной коронки. Она сделана словно поворачивающийся ключ.

Мы сразу же изготовили несколько вариаций Cle de Cartier. В нашей новой линейке есть женские и мужские модели, с корпусами 31, 35 и 40 миллиметров в диаметре, с белыми бриллиантами и без них, на цветных кожаных ремешках и на браслетах. Наши новые часы могут быть из стали или из золота, при этом его оттенок может быть разным. Скорее всего, в будущем мы покажем новые модели Cle de Cartier, в которых будут заложены различные усложнения. Но пока — это в первую очередь очень эмоциональные, фирменные, но несложные часы.

— В 2014 году дом Cartier отмечал столетний юбилей драгоценной пантеры. Не кажется ли вам, что ювелирные пантеры, предположим, 1950-х годов менее агрессивны, чем современные?

Cartier, Cle de Cartier
31 mm, 2015

— Юбилей великой обительницы нашего бестиария прошел необычайно успешно. Пантера по-прежнему любимая икона дома Cartier, один из самых узнаваемых символов марки. Что касается изменения ее характера, то мы, конечно, меняем дизайн и корректируем ее черты. Годы идут, все меняется. Когда-то пантера принадлежала только классу haute joaillerie. Теперь она живет на разных ювелирных уровнях — от коллекций haute joaillerie до коммерческих и классических. Возможно, именно в украшениях таких коллекций пантера выглядит более агрессивно. В простых украшениях ее характер передать сложнее.

— В рамках Женевского салона дом Cartier показывает только часы, пусть и ювелирные. Какие украшения вы покажете в наступившем году?

— Премьера новой линии класса haute joaillerie состоится в июне. Она будет посвящена Ривьере, Лазурному берегу и всевозможным его удовольствиям. Сегодня я могу лишь рассказать вам, что это не будет классическая, привычная для всех ювелирная коллекция. Скорее она получается авангардной. Но мы в Cartier привыкли обогащать стили и даже создавать новые. Лучший этому пример — эпоха ар-деко, которую мы предвосхитили. Вспомните, вещи ар-деко в Cartier стали делать еще в середине 1910-х годов. Чернобелый, графический орнамент «Пантера», появившийся впервые в 1914-м, — отличное тому подтверждение. Мы всегда были первооткрывателями. В 1925 году, когда термин «ар-деко» только появился, мы уже знали о нем все, у нас уже были самые разные часы ар-деко — от простых наручных, взять хотя бы наши Santos, до «Магических». Так что именно мы создаем стили, мы являемся первооткрывателями, а все другие только следуют за нами. Но у Cartier есть и еще одна особенность — объединять появившиеся стили, давать им твердую эстетическую и техническую основу. В этом мы тоже необыкновенно сильны.

— Вы помните ваши первые часы Cartier?

— Конечно, это был «Американский танк», подарок жены. Я носил эти часы много-много лет.

— Какой рынок для Cartier является в настоящий момент наиболее важным?

— Я всегда отвечаю на такой вопрос одними и теми же словами. Рынок Cartier — это влюбленные во всем мире. Там, где есть любовь, где есть люди любящие и любимые, всегда находится место дому Cartier.

Беседовали Екатерина Истомина и Алексей Тарханов

Cartier, Cle de Cartier
35 mm, 2015

Cartier, Cle de Cartier
40 mm, 2015

HUBLOT

HUBLOT
БУТИК ЦУМ
ул. Петровка, 2. Тел. 8 800 500 8000

FORBIDDEN

Classic Fusion ForbiddenX.
Автоматический хронограф. Корпус изготовлен из Королевского золота. Бель из коричневой керамики цвета натурального табачного листа, который использован в циферблате часов. Ремешок из телячьей кожи на каучуковой подкладке. Разработаны в сотрудничестве со знаменитой сигарной мануфактурой Arturo Fuente. Ограниченная серия 150 экземпляров.

НАМ НУЖНО ФОРМИРОВАТЬ ВКУСЫ ХУАН КАРЛОС ТОРРЕС, VACHERON CONSTANTIN

— Vacheron Constantin, Harmony Dames, 2015

— Vacheron Constantin, мануфактурный калибр 1142, который используется для модели Harmony Dames, 2015

АЛЕКСЕЙ ТАРХАНОВ

Самая старинная швейцарская часовая мануфактура, Vacheron Constantin, готовится отметить 260 лет непрерывной работы. Стаж ее главы Хуана Карлоса Торреса, конечно, скромнее. Несмотря на это, он успел построить для Vacheron Constantin новый дом в Плен-лез-Уат и открыть представительство в Москве даже раньше, чем в Париже.

— Новая линия называется Harmony. Она основана на исторической модели хронографа Vacheron Constantin 1928 года. Вы считаете, что современный облик марки именно таков?

— Мы семь лет разрабатывали механизм для этой линии, а потом долго размышляли, какой корпус сделать, какая оправа будет его достойна. Все решилось в процессе совместной работы нашего технического отдела с отделом дизайна, которым руководит Кристиан Сальмони. Вы же не думаете, что все зависит от маркетинга и что торговцы делают часы? Их делает команда инженеров, команда художников.

— Но был же момент, когда они принесли вам эскизы и вы...

— Скажу честно, вначале в дизайне была, на мой взгляд, некоторая агрессивность. Слишком острые углы, слишком авангардные очертания. Стараясь дистанцироваться от исходного образца, часов 1928 года, наша команда зашла слишком далеко. И мы очень внимательно переработали корпус, вылизали округлости и сопряжения и даже позаботились о том, как от этих часов будет отражаться свет. И решили, что аверс их корпуса будет похож на реверс. Это оказалось очень элегантным решением. Форма корпуса — классическая coussin, «подушка», но эта подушка у нас с обеих сторон. Затем мы переработали циферблат. Это было еще сложнее, потому что мы хотели самый что ни на есть классический циферблат, но ни в коем случае не старомодный.

— Вы воспроизвели даже шкалу пульсометра, которой пользовались в то время врачи.

— Да, и для измерения пульса она не хуже, чем iWatch.

— Но с Harmony нельзя бегать и жонглировать гириями.

— Я очень надеюсь, что с нашими часами не будут бегать и жонглировать гириями.

— На SIHH глава марки по традиции носит на руке часы «нового урожая». Что вы выбрали из линии Harmony?

— Я выбрал золотой хронограф. Это такое удовольствие — надеть его, чувствовать, как часы, которые семь лет назад мы начали разрабатывать с чистого листа, тикают у меня на запястье.

— Но вы же большой начальник, имеете право на турбийон.

— Я — настоящий любитель часов, для меня их стоимость не главное. И потом я всегда любил хронографы.

— Как вы пришли к идее гравированных часов-скелетонов?

— Мы часто имеем дело с художественными ремеслами, приглашаем эмалиров и скульпторов, но давно мы не делали таких природно-часовых украшений, как гравировка на металле. И заметьте, на тончайшем металле — на часовых мостах.

— В этом году гравюра появилась у нескольких марок. Почему?

— Не могу вам сказать, я не команду другими марками. Но надеюсь, они гравюруют не механизмы, а корпус?

— Чаще корпус, конечно. Мне это напоминает художественную гравировку на охотничьих ружьях, которыми я когда-то увлекался.

— Любопытно. Перед вами у меня была встреча с одним из крупнейших производителей часовых деталей. Он страстный охотник и, как только увидел скелетоны, сказал: «Я немедленно покупаю, я буду с ними ходить на охоту».

— А ваши настольные часы — Metiers d'Art Arca с корпусом из хрусталя...

— Это очень специальный продукт, я рад, что мы его сделали в этом году.

— Но скажите, есть ли спрос на такие часы?

— Нет. Конечно, нет. Но нет его именно потому, что люди не знают, что такие вещи до сих пор существуют. Кажется, что они исчезли полвека назад, в то время как сейчас они тоже могут найти свое место — например, на вашем пустом письменном столе с компьютером. Наше дело — формировать вкусы. И когда люди видят эти часы, они удивляются и говорят «О! Хочу!» — из двенадцати таких моделей, которые мы показали только вчера, я уже продал две.

— Молодые люди?

— Нет, взрослые, лет сорок-пятьдесят. Возможно, наши часы напомнили им что-то, что было в доме их родителей, и теперь будут у них в доме.

— Недавно я был в Плен-лез-Уат и вспоминал про то, как мы с вами открывали новую мануфактуру, построенную знаменитым швейцарцем Бернаром Чуми. И удивлялся тому, что рядом появились новые корпуса в его же духе.

— Чуми построил изумительное здание, уникальное, я эту его работу обожаю и не только потому, что провожу там много времени. Мы попросили его увеличить наш дом. Он предложил продлить, расширить, сделать выше, добавить крыло... Но потом мы вместе подумали, раз уже сделано что-то очень красивое, не надо его переделывать. И мы решили строить новые корпуса рядом. Они совсем другие, хотя, вы правы, и перенимают некоторые черты первого здания.

— Вы видели результаты Watch Report, который выпускает Digital Luxury Group? Они определяют популярность марки в интернете.

— Да, видел. Vacheron Constantin там занял второе место, сразу за Patek Philippe. Это хорошо, это вдохновляет, но все-таки нам почти три века. Проработайте 260 лет на таком уровне, как мы, и вас тоже будут знать не хуже.

Беседовал Алексей Тарханов

ВЫ ЖЕ НЕ ДУМАЕТЕ, ЧТО ВСЕ
ЗАВИСИТ ОТ МАРКЕТИНГА
И ЧТО ТОРГОВЦЫ ДЕЛАЮТ ЧАСЫ?

часы, ювелирные украшения и аксессуары

МОСКВА, ГУМ, КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ, 3 | ☎ +7 (495) 620 3311, 620 3390

МОСКВА, ВЕСНА, НОВЫЙ АРБАТ, 19 | ☎ +7 (495) 543 9879

СОЧИ, МОРСКОЙ ВОКЗАЛ, ВОЙКОВА, 1 | ☎ +7 (862) 241 8167

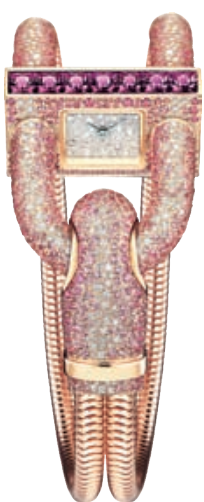
НАШИ ВЕЩИ ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ, СКУЛЬПТУРНЫЕ, НЕОБЫЧНЫЕ НИКОЛА БОС, VAN CLEEF & ARPELS

— Van Cleef & Arpels,
Complication Poetic
Oiseau Paradis, 2015

АЛЕКСЕЙ ТАРХАНОВ

— Van Cleef & Arpels,
Cadenas Pavée
Saphirs Roses, 2015

Никола Бос начал работать в знаменитом ювелирном доме с Вандомской площади 15 лет назад, когда Van Cleef & Arpels приобрела группа Richemont. Он пришел из Fondation Cartier, а значит, имел опыт работы с искусством, причем современным. В Van Cleef & Arpels он занимался творчеством и маркетингом, в 2009-м стал креативным директором и вице-президентом ювелирной и часовой марки, а в 2013-м ее возглавил.

— Это ваша вторая «президентская» SIHH. Появилась ли у Van Cleef & Arpels новая стратегия представления новинок в Женеве?

— Не стоит разбрасываться и представлять слишком много новых линий. Главная в этом году у нас Cadenas. Нам хотелось вернуться к ювелирным часам, у которых есть своя история формы. Для них совершенно не обязательен округлый или прямоугольный корпус. Механизмы встраиваются в украшения, в брошь или в кольцо, или в драгоценный объект вроде минодьерки. Яркий пример этому как раз Cadenas.

— Хорошая идея, ведь этих часов уже несколько лет как не видно на SIHH.

— Cadenas — один из символов нашего дома. Эти часы родились в 1935 году и никогда не исчезали из поля зрения. Мы решили выпустить их в историческом виде, лишь немного изменив детали рисунка и окошко циферблата и украсив драгоценными камнями.

— В 1935-м часы Cadenas были сделаны для Уоллис Симпсон, герцогини Виндзорской, и должны были соответствовать ее экстравагантным вкусам.

— Cadenas носила не только герцогиня Виндзорская. Они украшали руки многих богачек и актрис 1930–1940 годов. Cadenas были в большой моде, существовали во множестве вариантов, что и сделало их визитной карточкой нашего дома. Это были и уники с бриллиантами, сапфирами, изумрудами, и сравнительно простые модели с золотым корпусом или бриллиантовым паважем.

— Cadenas — и украшение, и часы. Вы не стали показывать в Женеве чисто ювелирные вещи.

— У нас есть часы в технике Haute Joaillerie, например фантастические Carpe Koï, настоящая наручная скульптура из золота и драгоценных камней — фигуративная, реалистичная, игровая. На контрасте с ней часы Abstraction — геометричные, дизайнерские, с разъемными браслетами. Это целая манжета, состоящая из трех браслетов, каждый из которых можно носить и отдельно. Обе вещи — это наши традиционные bijoux qui donnent l'heure — украшения, которые показывают время.

— Что общего у этих вещей с Cadenas?

— И в тех и в других мы уделяем много внимания форме. Наши вещи художественные, скульптурные, необычные. Они показывают, что ювелирные часы могут быть чем-то новым, отличаться от тех часов, к которым мы привыкли, тех, в которых корпус, циферблат и кольцо циферблата просто покрыты драгоценными камнями.

— Что нового в ваших поэтических усложнениях?

— В отличие от прошлых лет, когда мы делали акцент на поэтических усложнениях, на особенных циферблатах, необыкновенных механизмах, мы решили показать более простые часы — классические, круглые, где главное — коды часового искусства, ну и возможности наших мастеров. Это Lady Arpels Jour Nuit Coccinelles и Oiseaux de Paradis.

— Планируете ли вы вновь что-нибудь столь же удивительное, как ваш «Мост влюбленных» или «Планетариум»?

— Часы этого года — художественно переосмысленные механизмы, которые мы уже делали. Но мы затем их и делали, чтобы иметь возможность вариаций, и чем больше, тем лучше. Впереди такие же интересные механизмы, как «Мост влюбленных» или «Планетариум».

— И разрабатывает их ваш новый часовщик Дени Жиге?

— У нас есть целая команда, которая работает над концептуальными механизмами. Дени здорово вложился в развитие Cadenas и вместе с Кристианом ван дер Клаувом готовит нам немало новых сюрпризов.

— Как вы примиряете интересы разных клиентов — тех, кто пришел за браслетом в несколько тысяч, и тех, кто охотится за колье за несколько миллионов?

— Мы не разделяем их. Во всяком случае, по нашему к ним отношению. Да, одни украшения могут стоить гораздо дороже, чем другие, но это естественно: в них несравнимо более дорогие камни. Но будь это относительно простой браслет или часы вроде Abstraction, их прорисовывают, придумывают одни и те же художники и исполняют в одной и той же ювелирной мастерской. Критерии качества камней и производства у нас одинаковы для всех часов и украшений.

— Иногда говорят о «стартовом продукте», но ведь не бывает, чтобы человек купил тиражное кольцо, а потом перешел к покупке многомиллионных уников?

— Мы не продаем вам кольцо, чтобы в следующий раз вы купили кольцо подороже. Мы продаем именно то кольцо, которое для вас важно. Украшение более простое по рисунку, скажем, в золоте и перламутре, естественно, стоит дешевле, чем колье с многокаратным рубином, но люди, которые приходят к нам за таким украшением, готовятся к покупке ничуть не меньше, чем миллионеры. И мы относимся к ним точно так же. То же отношение и те же волнения — то же наслаждение от обладания и подарка.

Беседовал Алексей Тарханов

200
ANNIVERSARY
F. A. LANGE
FOUNDER OF SAXON FINE WATCHMAKING*

Мы празднуем 200-летие со дня рождения Ф. А. Ланге,
отдавая каждую минуту нашим часам.

A. LANGE & SÖHNE
GLASHÜTTE I/SA

Ф. А. Ланге посвятил всю свою жизнь совершенствованию механических часов. Изобретённые им новаторские конструкции, новые методы производства и измерительные инструменты позволили перейти на новый уровень точности на основе – впервые в истории часового дела – метрической

системы мер. Сегодня, работая над каждым часами, мы страстно стремимся к совершенству вплоть до мельчайших деталей, один из примеров того – часы LANGE 1 TIME ZONE. Даже те детали, что скрыты внутри механизма, декорируются согласно самым высоким критериям. www.alange-soehne.com

Приглашаем вас открыть для себя всю коллекцию часов:
Бутик A. Lange & Söhne в Москве • Столешников переулок, 5 • 103031, Москва • Тел.: +7 495 775 1815
E-mail: Moscow@lange-soehne.com

* Юбилей Ф. А. Ланге – основателя саксонского часового искусства

АСТРОНОМИЧЕСКАЯ МЕХАНИКА ПРЕКРАСНА ДАНИЭЛЬ РИЕДО, JAEGER-LECOULTRE

— Jaeger-LeCoultre, Duometre Sphérotourbillon Moon, 2015

АЛЕКСЕЙ ТАРХАНОВ

астрономические часы —
это трудоемкие коллекционные вещи

Даниэль Риедо пришел в Jaeger-LeCoultre из Rolex, через некоторое время он занял пост президента знаменитой часовой мануфактуры из Ле-Сантье. Состоявшийся в январе в Женеве Салон высокого часового искусства (SIHH) показал основное направление, по которому будет идти легендарный бренд Richemont Group.

— В этом году вы сделали ставку только на производство очень сложных и одновременно невероятно красивых астрономических часов.

— На презентации в Женеве мы действительно показали только астрономическую часть наших новинок. Но предложенные вашему вниманию часы — от Master с циферблатом из метеорита до сложных Duometre — это далеко не все наши премьеры. Конечно, есть и новые Reverso, и новые Rendez-Vous — в том числе с астрономическими осложнениями из серий Moon и Celestial. Но мы посчитали, что на презентации лучше выделить самую сильную линию. Reverso наша публика видит ежегодно, вы и сейчас найдете новые версии легендарной модели в витринах нашего павильона. В настоящий момент мы производим серьезную реконструкцию всей знаменитой коллекции. Дело в том, что часов Reverso сейчас существует очень много, и это, с одной стороны, хорошо. С другой — во всем должна быть логика: каждая новая модель должна развивать предыдущую. Пока коллекция Reverso скорее выросла вширь, и настало время придать ей стройность. Я не хотел бы, впрочем, чтобы у вас сложилось впечатление, будто бы мы забыли, забросили Reverso. Совсем нет! Большой праздник, посвященный нашей знаменитой модели, намечен на конец этого года — это будет поло-турнир в Палермо.

— Почему же в качестве главной темы для премьер на Женевском салоне была выбрана астрономия?

— Здесь есть несколько вариантов ответа. Во-первых, астрономические часы — это прекрасная историческая механика, и, если вы помните наше с вами самое первое интервью в Венеции, я говорил, что вижу нашу мануфактуру именно как производство очень высокой, сложной, коллекционной механики. Астрономические часы — как раз из этой серии. Это трудоемкие коллекционные вещи. Так что их производство и премьера огромной астрономической серии в рамках салона — хорошее напоминание о выбранном направлении. Во-вторых, мы в Jaeger-LeCoultre имеем и культивируем свой собственный часовой стиль. Будем реалистами, на свете достаточно красивых и сложных часов. Но нам нужно поддерживать собственный артистизм, наш фирменный романтизм, и мне кажется, тема астрономии, движения звезд, Луны очень возвышенна и романтична. Наши клиенты следят за космическими процессами, но при этом телескопы им не требуются: все видно на запястье.

— Вы впервые стали делать циферблаты из метеоритов. Почему?

— У нас богатая декоративная история, мы производим много часов в концепции Metiers d'Art — с лаком, цветной эмалью, бриллиантами, белым и цветным перламутром. Более того, у нас готов проект, согласно которому все ремесленники, которые работают с нами, будут сидеть все вместе в отдельном здании при мануфактуре. Это и граверы, и эмальеры, и специалисты по маркетри и бриллиантовому сеттингу. Таким образом, мы объединим всех мастеров и все декоративные цехи. Использование же метеоритов для изготовления часовых циферблатов — это еще один способ подчеркнуть нашу приверженность декоративному направлению.

— Ваша историческая модель Geophysic необыкновенно красива, мануфактура только что перевыпустила ее. Можно ли говорить о громком возрождении всей линии?

— Пока мы представляем только лимитированные серии часов Geophysic. На этот раз вы можете увидеть платиновую версию этой легендарной модели, предназначенную только для продажи в наших фирменных магазинах.

— Продолжаете ли поставлять ваши механизмы другим маркам?

— Да, это уже сложившаяся традиция.

— Каким вы видите основной рынок Jaeger-LeCoultre?

— Конечно, это рынок ценителей, знатоков, коллекционеров. Но мы будем только рады, если людей, понимающих и чувствующих особенную культуру нашей марки, станет больше.

Беседовали Екатерина Истомина и Алексей Тарханов

— Jaeger-LeCoultre, Geophysic Tribute to 1958 Boutique Edition Platinum

L I F E I S A B O U T M O M E N T S *

CELEBRATING ELEGANCE SINCE 1830**

Жизни драгоценные моменты*
Торжество элегантности с 1830**

CLIFTON 10058

РОЗОВОЕ ЗОЛОТО, 39 ММ
АВТОМАТИЧЕСКИЙ
ЗАВОД

www.baume-et-mercier.com

BAUME & MERCIER
MAISON D'HORLOGERIE GENEVE 1830

КОНСУЛ ул. Тверская, 25, тел. (495) 699 50 45 • ТАЙМ АВЕНЮ Киевская пл., 2, тел. (495) 225 73 54 • CONQUEST ул. Петровка 28, стр. 1/2, тел. (495) 650 76 37
EURO TIME Сретенский бул., 2, тел. (495) 625 26 21 • SUBLIME BY BOSCO Красная пл., 3, тел. (495) 620 33 90. Все адреса магазинов в России и СНГ: www.baume-et-mercier.com.

МЫ БОРЕМСЯ НЕ ЗА КОЛИЧЕСТВО ВИЛЬГЕЛЬМ ШМИДТ, A. LANGE & SOHNE

АЛЕКСЕЙ ТАРХАНОВ

наш репетир отбивает
10-минутные интервалы,
а не четверти. вообще-то
так проще считать

— **A. Lange & Söhne, Zeitwerk Minute Repeater** и один из самых сложных в истории марки калибр L043.55, который является сердцем этой модели, 2015

Уроженец Баварии Вильгельм Шмидт уже четыре года возглавляет старинную саксонскую часовую мануфактуру A. Lange & Söhne. В ноябре 2014 года она получила сразу две важные награды на Женевском часовом конкурсе Grand Prix d'Horlogerie de Geneve (одна из них досталась персонально Вальтеру Ланге, человеку, вернувшему жизнь семейной компании). Сейчас в Гласхютте, где расположено производство, завершается строительство нового здания мануфактуры — часов A. Lange & Söhne на всех не хватает.

— **После Grand Prix в Женеве у вас стало больше заказов?**

— Grand Prix — это вершина признания. Потому что Женева — центр часового мира. Когда маленький немецкий бренд...

— **Вы очень скромны...**

— Когда маленький немецкий бренд получает такой большой приз — это нечто особенное. Grand Prix — объективное соревнование, на нем никого не интересует — из Швейцарии вы, из Германии, из Франции или из Англии. Главное — часы, что вы предлагаете, только их будут пристально изучать.

— **Вы получили даже два приза: один — за часы, второй — за то, что любите герра Ланге.**

— Да, но это больше его собственный приз, я думаю. Вальтер Ланге и Гюнтер Блюмлайн — большие храбрецы, они были так смелы, что возродили компанию после объединения Германии. Не знаю, когда вы были в Гласхютте последний раз, но сегодня мануфактура процветает, там очень красиво.

— Последний раз, когда я был в Гласхютте, вы завершали реставрацию математического кабинета в Цвингере. Я был удивлен тогда серьезности вашей работы с музеем.

— Это было давно. Вы будете еще больше удивлены, если приедете сегодня в Гласхютте. Мы планируем соединить два здания — старое и новое — мостом. Чтобы это сделать, нужно перекрыть улицу. Это, конечно, не ваш Ленинградский проспект, а деревенская улочка, но все-таки. Новое здание — это большое событие для нас.

— **Сколько часов вы производите сейчас и сколько сможете делать после открытия нового корпуса?**

— Мы боремся не за количество. Я приведу вам такой пример. Мы производим всего шесть сверхсложных часов. Но вместо этого можем выдать 600 более простых моделей Saxonia. Но стоит ли так поступать? Нашей целью было не производить больше часов, а расширить пространство для самого ценного, что у нас есть, — для наших людей. Потому что сейчас все часовщики и все машины расположены в одном и том же здании. Ну а улучшив рабочую среду и производственный процесс, мы, конечно, получим большую отдачу.

— **Скачки швейцарского франка вас в Германии, стране евро, не беспокоят? Ну а снижение рубля?**

— Мы должны уметь справляться с тем, что сегодня валюта скачет то вниз, то вверх. Хорошо еще, что у нас евро. В свое время у нас были проблемы с австрийскими шиллингами, немецкими марками, итальянскими лирами и французскими франками. Подумайте о тех днях. Что касается рубля — раньше я работал в нефтяной промышленности. В 1990-х рубль обвалился точно таким же образом, как сейчас. Я был в ужасе. Но наш местный CEO сказал мне: «Вильгельм, не волнуйся. Сегодня мы называем это кризисом, а через шесть месяцев это будет уже нормальная жизнь. Русские всегда так поступают». И он был прав. Через полгода все научились справляться с ситуацией. Поэтому я не слишком волнуюсь из-за всего этого. Не концентрируйся на курсах, политике и бог знает на чем еще, потому что вы не можете ничего изменить. Да, сейчас все сложно. Но мы справимся и с этим.

— **Что главное в этом году в вашей женевской коллекции?**

— Самое заметное — Zeitwerk Minute Repeater. После Grand Complication — это наш второй минутный репетир, но он совсем из другой категории. Grand Complication — очень классические часы, на сей раз мы сделали нечто абсолютно противоположное. Обычно репетир отбивает часы, потом четверти часа, потом минуты. Наш репетир отбивает 10-минутные интервалы, а не четверти. Вообще-то так проще считать. 15 минут — это очень долго. У нас шесть патентов на эти часы. Потому что они не просто новые — таких часов еще никогда не было!

— **Владельцы репетиров — это настоящая секта, которая гордится своим тайным знанием: они умеют считать четверти, зачем им десятиминутные интервалы?**

— Это сделано не ради оригинальности. Стандартный репетир был ориентирован на циферблат со стрелками, разделенный на четыре четверти. Наш Zeitwerk показывает время цифрами, так что звук репетира так же точно следует зрительной информации циферблата.

— **Представляю себе встречу двух обладателей разных репетиров...**

— У нас была такая! Только что! Ко мне приходил владелец классического минутного репетира, и он тут же потребовал продать ему наш. Потому что он страстный коллекционер. «Я был уверен, — сказал он, — никто не изменит минутный репетир. Но вы, маленькие немцы, пришли и все изменили». Я был очень рад такому комплименту.

Беседовал Алексей Тарханов

FREDERIQUE CONSTANT
GENEVE

LIVE
YOUR
PASSION¹

LADIES WORLD
HEART FEDERATION²

Поддержите благотворительную кампанию «Сердца детей» вместе с Инес Састре и Всемирной федерацией сердца. Мы перечисляем 2000 рублей с каждого проданного часов из коллекции Double Heart Beat в поддержку кампании.

Дополнительная информация на сайте:
www.frederique-constant.com

PROTIME
DISTRIBUTION

Эксклюзивный дистрибьютор в России, тел.: +7 (495) 926 0700.

Полный список авторизованных точек продаж можно найти на сайте: www.protime-distribution.com

ЧЕСТНОСТЬ — ДОБРОДЕТЕЛЬ ЧАСОВЩИКА АЛАН ЦИММЕРМАН, BAUME & MERCIER

— Baume & Mercier,
Linea, 2015

АЛЕКСЕЙ ТАРХАНОВ

часы baume & mercier должны
быть достойны возложенных
на них надежд

— Baume & Mercier,
Classima, 2015

Алан Циммерман возглавляет Baume & Mercier. Он гордится тем, что часы его марки часто становятся «первыми настоящими часами», которые покупают его клиенты. Для него Baume & Mercier — идеальный подарок к любому важному событию в жизни, часы, которые хранят не только время, но и воспоминания.

— Как ваши клиенты отнеслись к резкому повышению курса швейцарского франка? Поскольку ваши часы производятся в Швейцарии, их стоимость неминуемо должна возрасти.

— Мы могли бы ждать болезненной реакции, сомнений, колебаний, отказов, но доверие к нашей марке одержало победу над неуверенностью. Это великолепная новость. Мы чувствовали это с первого дня SHH, и итог оказался еще лучше, чем мы думали. Мне кажется, в нашу пользу сыграло то, что мы приходим с понятным продуктом, с идеальным соотношением цены и качества. С честным соотношением, я бы сказал. Это успокаивает людей, которые ищут качественные часы, но боятся кусающихся цен.

— Но ведь часы Baume & Mercier все равно не отнесешь к недорогим.

— Мне кажется, не стоит говорить об этом в категориях «дорого — не дорого», раз марка дает вам исключительное качество, внимание к деталям. Если вы видите, что у нее более чем вековой опыт, что ей можно доверять. К тому же Baume & Mercier — это истинно швейцарское качество.

— О швейцарском качестве говорят все, вы не одиноки...

— Разумеется, потому что правила Swiss Made куда более либеральны, чем мне хотелось бы. Они требуют примерно половину работы проводить в Швейцарии. А мы предлагаем часы, на сто процентов состоящие из швейцарских компонентов, собранные в Швейцарии, тестированные и проверенные в Швейцарии. И обслуживание после продажи будет не где-нибудь, а в Швейцарии. А это, как ни крути, имеет цену.

— Значит, вашей готовности идти навстречу клиентам все же есть предел?

— Он установлен не моей жадностью, уверяю вас. Есть уровень, ниже которого я не стану опускаться — угрожайте, уговаривайте, мне все равно. Потому что ниже определенной цены я не смогу обеспечить качество и сервис. Это философия нашего дома. И я считаю, в этом и состоит готовность «идти навстречу клиентам», как вы говорите. Не надо забывать, что наши начальные цены — в 1500–2500 швейцарских франков — большие деньги для молодых людей, которые покупают себе «первые настоящие красивые часы». Значит это только одно — эти часы должны быть достойны возложенных на них надежд. Клиенты имеют право за свои кровные получать от нас только красивые, качественные и долговечные вещи. Никаких компромиссов здесь быть не может.

— Сколько же надо вам принести в клювике, чтобы стать владельцем Baume & Mercier?

— Первая цена на кварцевый механизм, будь это часы из линии Classima или Hampton, — 1300–1400 франков. Это адекватная отпускная цена, я считаю. Не только точность, но и честность — добродетель часовщика. Затем идут часы с, как я это называю, «малыми осложнениями». К примеру, линия Clifton. За 2800–4000 франков вы получаете хронограф, второй часовой пояс, фазы Луны (в этом году у нас есть и великолепные часы с большой датой) или усложнение, которое я считаю исключительно важным, — запас хода...

— Почему именно запас хода?

— Потому что он говорит о самом главном в жизни. Запас хода — это показатель энергии, а она нужна не только часам, но и нам. Маховик автоматического механизма заряжает часы, когда мы двигаемся, и чем мы энергичнее, чем больше мы двигаемся, тем активнее его заводим, и тем больше наш собственный запас хода. Это отражается на циферблате — тут часы напрямую с нами связаны.

— У Baume & Mercier в самых разных линиях есть нечто общее, некий единый стиль. Как бы вы его описали?

— Классические хронометры со стрелками, с «малыми осложнениями», с деталями, передающими оттенок винтажа, что всегда нравится покупателям «первых часов», это подчеркивает, что «часы — настоящие». Что это марка с историей. Часто наш клиент имеет только одни часы, наши, они должны сопровождать его весь день. Наши модели в этом смысле очень хороши. Их можно носить с костюмом или с джинсами. Утром, вечером. На работе, на отдыхе. Они универсальны.

— Что за механизмы стоят в ваших часах?

— Мы работаем с ETA и Sellita, для «малых усложнений» это в основном механизмы Sortrod, для более сложных механизмов мы обращаемся к опыту такого изумительного поставщика, как Dubois Depraz. Все швейцарское, не только механика, но и кварц. Все для того, чтобы качество честно соответствовало цене.

— Для России цены на ваши часы будут иметь огромное значение. Ваши клиенты — это не коллекционеры турбийонов и репетиров, где тысяча евро — туда, тысяча — сюда, кто считает. Мало того что франк растет, еще и рубль падает.

— Мы попытаемся сделать все, что в наших силах, чтобы остаться доступными, и будем ориентироваться на покупательную способность в вашей стране. Кстати, продажи в России у нас подскочили, это понятно, когда деньги теряют цену, их пытаются вложить в то, что цены не теряет. Это тоже знак доверия, и мы его очень ценим. Никто не знает, что ждет наш мир. Но лучшая стратегия — быть верным себе. 185 лет наша марка существовала, проходя сквозь такие кризисы, рядом с которыми нынешние могут показаться пустяками: мировые конфликты, экономические депрессии, кварцевые войны. Но даже в периоды кризиса люди женятся, молодежь кончает школу, а любимые ждут подарков.

Беседовал Алексей Тарханов

РЕКЛАМА

strellson

HOLY FASHION GROUP

strellson.com

ЭТО НАШ ЮВЕЛИРНЫЙ ГИМН АНДРЕА МОРАНТЕ, POMELLATO

Два года назад знаменитая ювелирная марка Pomellato, основанная в Милане в 1967 году, стала частью холдинга Kering французского бизнесмена Франсуа Пино. Президент Pomellato Андреа Моранте сотрудничеством доволен.

— Что изменилось в Pomellato после присоединения к Kering?

— Группа Kering известна тем, что с большим уважением относится к брендам, входящим в ее состав. Поэтому мы не утратили своей творческой свободы, мы по-прежнему можем развивать наши традиции. Наш стиль, наш дизайн нисколько не изменились. Кроме того, у нас появились новые преимущества — финансовые и информационные. Мы вместе с Kering ищем пути, которые позволят представлять дом Pomellato шире, крупнее, заметнее. Наш союз я нахожу очень удачным и перспективным для развития марки: не утратив своей творческой свободы, мы получили большую поддержку. Kering, например, много помогает нам в ритейле: здесь этим занимаются профессионалы. Словом, мы чувствуем себя очень защищенными. И одновременно — свободными.

— Какой рынок для Pomellato теперь является самым важным?

— Европа, разумеется, для нас на первом месте. Родной итальянский рынок, русский рынок, рынки Германии, Франции и Великобритании.

— А как легендарный китайский рынок?

— Китайцы очень быстро учатся разбираться в роскоши. Но, как и раньше, для них чрезвычайно важны вещи, которые сразу дают понять: перед вами очень уважаемый человек. Наш исторический и современный дизайн не столь бросок, Pomellato — это истинная, незаметная, мягкая роскошь. Но я убежден в том, что наша китайская история еще впереди.

— Вы кардинально обновили коллекцию украшений high jewellery Pom Pom. С чем связан этот шаг?

— Структуру всей нашей продукции я бы сравнил с пирамидой. На самом верху — драгоценности класса high jewellery великолепные Pom Pom. Чуть ниже — другие коллекции, например Tango. Потом украшения casual — Nudo и Capri. Это легкие вещи, которые можно носить на протяжении всего дня. Драгоценности Pom Pom невероятно сложны в производстве. Они требуют большего времени работы ювелиров, большего времени на поиск и выбор уникальных камней. Кроме того, при создании драгоценностей Pom Pom мы не можем не учитывать и общий стиль нашего дома.

— Часы Dodo, 2015

— Pomellato, серьги Pom Pom, 2015

— Pomellato, кольцо Sabbia, 2015

— Pomellato, соруар Capri, 2015

Многие наши украшения восхитительно, неподражаемо просты. Это истинный гимн минимализму. И при переходе на более высокий уровень нам необходимо сохранить основные стилистические коды нашей марки. Сделать это не так просто, но без драгоценных вещей high jewellery современная ювелирная марка существовать не может. Так что мы будем развивать это направление.

— Почему Pomellato практически не выпускает колье? Основными вашими продуктами остаются серьги и кольца.

— Это не совсем так. В линии Capri, например, у нас много соруаров — сейчас мы представляем новые версии, с лазуритами и

горным хрусталем. Есть короткие колье-цепи в Arabesque — коллекции, которую мы только что обновили. Но нас интересует не столько колье само по себе, сколько то, как можно его носить. Мы хотим, чтобы наши колье выглядели очень заметно. Вот почему мы не рискуем предлагать их слишком много: это было бы скучно!

— Несколько лет назад вы говорили, что Pomellato выпустит собственные часы. Планы не изменились?

— Вот сейчас на мне часы Pomellato — настоящие итальянские часы, только сделанные много лет назад. Запуск новой часовой линейки — непростой процесс. Мы очень успешны в ювелирном деле. И не можем проиграть в часовом. У нас есть современный часовой — и, надо сказать, весьма успешный — опыт: мы выпустили коллекцию Tondo Pomellato вместе со швейцарской мануфактурой Parmigiani. В 2016-м мы собираемся показать новые часы. Кстати, часы у нас все-таки есть — в нашей второй марке Dodo. Впрочем, они предназначены только для итальянского рынка — купить их можно, например, в Милане.

Беседовала Екатерина Истомина

У НАС НА РУКАХ МНОЖЕСТВО КОЗЫРЕЙ АНТОНИО КАЛЬЧЕ, SOWIND GROUP

Girard-Perregaux,
Tri-Axial Tourbillon,
2015

Итальянец Антонио Кальче — опытный часовой менеджер. Он работал в принадлежащих группе Richemont марках Piaget и Panerai. Наши читатели помнят его как главу марки Corum. Кальче специалист не только в менеджменте, но и микромеханике и в организации часового производства. В самом начале года группа Kering назначила его главой принадлежащей ей Sowind Group, в которую входят такие замечательные часовые марки, как Girard-Perregaux и JeanRichard. Первое интервью русской прессы Антонио Кальче дал корреспондентам «Стиля-Часы».

— Как вы отнеслись к предложению возглавить Sowind Group?

— Я достаточно долго занимаюсь часами, чтобы понять, какие удивительные возможности передо мной открываются. Sowind Group — это нечто особенное. Это не просто часовые марки, к тому же очень именитые, это современное и мощное производство механизмов и деталей, которое обеспечивает нам строчку в высшей лиге часового дела.

— Раз в сферу вашей ответственности входит вся Sowind Group, вам придется вникать в тонкости сосуществования Girard-Perregaux и JeanRichard.

— Повсюду, где мы сможем соединить ресурсы, мы это сделаем, но только таким образом, чтобы это не нанесло никакого ущерба независимости и имиджу каждой из марок. Очень важно, чтобы Girard-Perregaux и JeanRichard были разными часами, безумием было бы сделать их вариантами одного и того же базового механизма. Индивидуальность каждой марки мне очень дорога.

— Последние годы было ощущение, что в развитие JeanRichard вкладываются, его ведут вперед, а Girard-Perregaux удерживают на прежнем уровне, в то время как раньше главной маркой в группе была именно она.

— Girard-Perregaux — это часы Haute Horlogerie, JeanRichard — все-таки несколько более доступные. Флагманской маркой группы останется Girard-Perregaux, потому что она дает нам больше всего возможностей для развития. Это самая традиционная из наших марок, она всегда присутствовала на часовом горизонте. Я несколько не хочу сказать, что JeanRichard будет теперь забыта или что мы будем ее тормозить в ее и вправду впечатляющем подъеме. Но надо быть реалистами. У нас есть великая большая марка и младший брат, который растет, так сказать, не по дням, а по часам. Мы будем внимательно развивать обе марки, они прекрасно дополняют друг друга.

— Какими вы видите ваши ближайшие задачи?

— Качество развития марки — вот главный критерий, у меня нет ни намерения, ни задания быстро заработать деньги. Я вступаю в игру, в которой у меня на руках множество козырей. И мы будем играть осторожно и выигрывать новые, потому что такова карточная игра.

— А ваш джокер — это Selita, производитель механизмов и комплектующих?

— Selita — прекрасный поставщик, который будет продолжать — в основном для JeanRichard — нам служить в той степени, в какой нам только понадобится. Потому что сейчас Girard-Perregaux — это настоящая мануфактура.

АЛЕКСЕЙ ТАРХАНОВ

Я был чрезвычайно впечатлен тем, что там увидел, а я ведь не новичок, а человек, пришедший с производства. Я был поражен качеством постановки дела и мастерством тех, кто там работает.

— Вы будете развивать мануфактуру Girard-Perregaux?

— Она уже очень развита. И я не из вежливости говорю о своем восхищении. Вы знаете, в последние годы слово «мануфактура» мы слышим на всех углах — там мануфактура и здесь мануфактура, клиенты выслушивают все это машинально, как обязательную программу. Сейчас нам надо объяснить и продемонстрировать, что мы одна из немногих реальных, а не самопровозглашенных мануфактур.

— И вам поможет музей Girard-Perregaux?

— Я убежден, что каждый глава марки в ответе за наследие, которое ему вручили. У нас нет права портить то, что сделали наши предшественники. В этом же и состоит ценность старинной компании, это и отличает нас от остальных. Посмотрите на часовщиков, которые создают сейчас новые марки, какие усилия им приходится прикладывать, чтобы достичь того, что у нас уже есть.

— Какие у вас отношения с другими марками Kering, с Boucheron или с Ulysse Nardin? Что дает вам группа Kering?

— На прошлой неделе я пожал двести сорок пять рук, я встретился с каждым из наших сотрудников за четыре дня. И каждому сказал, что будущее Girard-Perregaux обеспечено именно потому, что она в группе Kering. Это необыкновенная группа, которая дает нам средства для развития марки. А что такое средства? Это раз-

деление опыта. Мы регулярно проводим встречи со всеми руководителями марок. Мы делимся друг с другом нашим опытом, нашими находками, мы помогаем друг другу на новых рынках. Мне ли не понимать силу группы, когда в течение многих лет я бился один и ни на кого не имел возможности опереться.

— У Girard-Perregaux почти нет бутиков, только два: один в Нью-Йорке, а второй в Гштаде. У вас нет желания открывать новые бутики — может быть, в Москве?

— Я во многом предпочитаю работу с мультибрендовыми магазинами. Ну а если мы поставим задачу усилить присутствие марки и захотим открыть монобренды, мы сделаем это с помощью наших партнеров. И только так. Знаете, если ваши партнеры приходят к вам с предложением открыть бутик, это означает, во-первых, что между вами есть доверие, а во-вторых, что ваши часы пользуются успехом.

— Что нам ожидать от Girard-Perregaux в Базеле?

— В коллекции Girard-Perregaux не хватает нескольких важных звеньев. Этим мы и займемся. То, что есть, сделано на высоком уровне и достойно только похвал. Но столпы коллекции нужно подпирать. Я приведу вам лишь один пример, вы знаете наш турбийон с тремя золотыми мостами. Ведь эти три моста — настоящий символ нашего дома. Я не буду говорить больше, но представьте себе целую линию на основе «трех золотых мостов».

Беседовали Екатерина Истомина и Алексей Тарханов

главный критерий —
не быстрые деньги,
а качество развития марки

НАРУЧНЫЕ СРЕДСТВА ЖЕНЕВСКИЙ ЧАСОВОЙ САЛОН ЕКАТЕРИНА ИСТОМИНА И АЛЕКСЕЙ ТАРХАНОВ

Как всегда, на женевском SIHH триумфально выступил дом Cartier, который уже несколько лет работает не только на поле часовщиков-ювелиров и часовщиков-стилистов, но и в сложной нише мастеров настоящего инновационного технического дела (за изготовление моделей с complications несет ответственность инженерное бюро, которым руководит Кароль Форестье). Но у дома, показавшего усложненные часы и модели с концепцией Metiers d'Art, появилась и очередная базовая модель — по имени Cle, что означает «ключ».

Это классические часы «в духе Картье», то есть созданные со всеми узнаваемыми кодами марки. В новых часах, как обычно, Cartier приготовил специальный «фокус». Так, заводная коронка в Cle de Cartier изготовлена таким образом, что поворачивается как ключ. Как это всегда бывает в базовых линиях коммерческого класса, часы Cle de Cartier представлены во множестве моделей (и размерах корпуса) — от классических мужских формата «коктейль» до женских формальных и полностью бриллиантовых.

Дом Van Cleef & Arpels на этот раз не показал привычных ослепительных «поэтических усложнений», но зато представил новые версии своей великой исторической модели Cadenas (эта линия не обновлялась с конца 1990-х). Новые «Навесные замки» (именно так переводится название часов) ранжируются по высокому ювелирному классу: они созданы из яркого золота,

многие модели украшены бриллиантами и розовыми сапфирами. В Van Cleef & Arpels отдали дань и «скульптурным» часам: речь идет о титанической «Золотой рыбке», массивных, полностью украшенных драгоценными камнями ювелирных часах-браслете.

Старейшая швейцарская мануфактура Vacheron Constantin, отмечающая 260-летие, привезла на салон гравированные часы из серии Metiers d'Art и новую линию Harmony. На нее явно возлагаются большие надежды. Наряду с классическими круглыми Patrimony, марке нужны были новые часы сложной формы. Корпуса «квадрат» или «подушка» пользуются спросом у образованной часовой аудитории, это явно не первые и даже не вторые часы. Именно поэтому такие линии делаются с особой тщательностью. Здесь каждая деталь должна напоминать о часовой энциклопедии. Формами Harmony восходит к модели однокнопочного «докторского» (то есть со шкалой для измерения пульса на циферблате) хронографа, который Vacheron Constantin создал в 1928 году. Harmony — это часы в ретро-стиле, но, разумеется, для них специально были разработаны новые механизмы. Четыре — по числу моделей. Количество дополнительных функций также увеличилось. К хронографу были добавлены функция второй стрелки (сплит-хронограф), турбийон и шкала второго часового пояса.

Часы Harmony Chronograph практически повторяют, за исключением деталей циферблата и, разумеется, механической начинки, историческую модель 1928 года. Похожи на них и сплит-хронограф, сверхтонкая модель с толщиной механизма в 5,2 мм. Чтобы уменьшить высоту механизма и полностью открыть его взгляду через стеклянную заднюю крышку, новый калибр с 51-часовым запасом хода оснастили тонким периферийным ротором.

Благодаря сложной скульптурной форме эти модели пойдут и мужчинам, и женщинам, но у Vacheron Constantin есть и специальные женские часы Harmony — в белом золоте с бриллиантами. Они чуть меньше размером и имеют не одну, а две кнопки хронографа.

__Cartier,
Cle de Cartier, 40 мм

АЛЕКСЕЙ ТАРАНОВ

— Van Cleef & Arpels,
Haute Joaillerie Carpi
Koi

В серии Metiers d'Art Vacheron Constantin появились скелетонизированные часы с гравировкой Mécaniques Gravees. Скелетон сам по себе трудоемкое часовое усложнение. Его цель — максимально показать красоту механизма, обычно закрытого «этажами» часовой платины. Ради этого вырезают кружевные мосты, которые не мешают взгляду. Но теперь часовщики начали эти мосты украшать. Так, в прошлом году ювелиры Piaget сертифицировали их бриллиантами, в этом году уже дизайнеры Vacheron Constantin решили нанести на мосты гравировку. Сложные узоры — листья аканта, волюты, арабески и мильфеи — наносятся на элементы механизма, имеющие иногда толщину менее миллиметра. В этом году Metiers d'Art Mécaniques Gravees представлены часами с ручным подзаводом и моделью с турбийоном.

Марка IWC отметила на Женевском салоне 75-летие своей самой популярной модели — часов Portugieser. Несколько лет назад для запуска новых Portugieser стенд был превращен в палубу парусника. На сей раз все было гораздо проще, декорации не нужны, коллекция и так летит на всех парусах. Это самые продаваемые часы марки. Их история началась в 1940-х, когда два португальских негодянина решили заказать часы для моряков: наручные, но с качествами точного морского хронометра. В то время наручные часы неизбежно уступали в точности карманным, поэтому инженеры IWC решили взять за основу имеющийся калибр карманных часов. Благо заводная головка у них была, как у наручных, справа. В результате родились часы, на много лет опередившие свое время. Прежде всего они были крупными — задолго до появления моды на часы большого диаметра. У них был строгий, простой дизайн, циферблат с тремя арабскими цифрами и круг секундной стрелки внизу циферблата. Это были в полном смысле слова просторные часы: поле циферблата позволяло свободно размещать на нем окошки даты, индикаторы запаса хода или хронометрические шкалы, а большая платина давала возможность интегрировать в механизм модули усложнений. «У нас были развязаны руки, — говорит мне знаменитый часовщик IWC Курт Клаус. — Это были часы с запасом роста. Недаром они сохранились до нашего времени». Он рассказывает историю про то, как в 1990-х на фабрику в Шаффхаузене пришел посетитель с оригинальными часами Portugieser. «Мы были поражены. Какие прекрасные часы, — решили мы, — мы должны выпустить их заново».

С 1990-х Portugieser стали самыми популярными, причем носили эти крупные мужские часы не только мужчины, но и женщины. К 2015 году Portugieser пришли в двух абсолютно новых и шести измененных и усовершенствованных моделях. Это юбилейное издание Hand-Wound Eight Days Edition «75th Anniversary», почти полностью повторяющее первые часы 1940-х, те самые, которых едва не лишился в Шаффхаузене неосторожный посетитель. Однако, внимательно присмотревшись, мы увидим, что часы двух разных веков отличаются и внешне — окошко даты на шести часах, и внутренне — новый мануфактурный механизм с резервом хода на восемь дней, автоматическим подзаводом и датой месяца. Это коллекционные часы — как, впрочем, и остальные модели с усложнениями. Среди них, например, вечный календарь, одно из фирменных усложнений IWC, объединенный с хронографом-

АЛЕКСЕЙ ТАРАНОВ

АЛЕКСЕЙ ТАРАНОВ

— IWC, Portugieser
Edition 75th Anniversary

— Vacheron
Constantin, Metiers d'Art
Mécaniques Gravee

женевскому салону исполнилось четверть века, странно ли, что часовщики все чаще повторяют уроки прошлого

flyback, — Portugieser Perpetual Calendar Digital Date-Month Edition «75th Anniversary», годовой календарь (Portugieser Annual Calendar), календари с указанием фаз Луны и турбийон Portugieser Tourbillon Mystere Retrograde. А модель Portugieser Grande Complication, комбинирующая сразу несколько усложнений, еще раз продемонстрировала возможности развития, заложенные 75 лет назад. «Portugieser — единственное часовое семейство, которое объединило в себе столько шедевров класса haute horlogerie», — говорит президент IWC Жорж Керн.

Марка Parmigiani Fleurier была специально создана под талантливейшего часовщика Мишеля Пармиджани, известного механика, знатока часов и реставратора. Только зная исторические часы, считает Мишель Пармиджани, можно делать часы ультрасовременные вроде показанной на салоне лимитированной серии часов Bugatti. У них — своя десятилетняя история, начатая в 2004-м партнерством с автомобильным брендом. Эти часы, механизм которых напоминает автомобильный двигатель, — теперь такая же легенда часового искусства, как Bugatti легенда искусства автомобильного. В серию входят три модели: Bugatti Revelation, Bugatti Mythe и Bugatti Victoire, которые можно купить вместе — в качестве коллекционного сета. Авангардная модель Bugatti в этом году соседствует с круглыми классическими часами Tonda 1950. Эту модель мы увидели впервые в Женеве в 2010-м, и тогда уже нам пообещали, что часы получат новое развитие. Они были снабжены сверхтонким механизмом PF 701, но не были изначально задуманы как сверхтонкие. Речь скорее шла о том, чтобы высвободить в корпусе часов место для будущих модулей усложнений или для художественных циферблатов.

И вот новая тенденция, которая пришла на смену увлечению циферблатами из полудрагоценных камней или резного перламутра, — циферблаты, сделанные из метеорита. Метеорит — гарантия уникальности и редкости часов. Запасы этих небесных камней ограничены, рисунок каждого циферблата единственен в своем роде. Еще одна новинка — Tonda 1950 Squelette. Открытый механизм могут себе позволить только перфекционисты, к которым, несомненно, относятся мастера Parmigiani. Циферблат здесь все равно сохранен, но он сделан из сапфирового стекла и абсолютно прозрачен. В женском варианте циферблат состоит из двух слоев сапфирового стекла, один из которых — матовый, показывающий не столько сам механизм, сколько его тень.

—Parmigiani,
Bugatti Myth

новаторские механизмы
можно заключить
и в авангардный чехол
и в классическую часовую
одежду

АЛЕКСЕЙ ТИХАНОВ

—Piaget, Ultra-Plat
Chronograph

—A. Lange & Sohne,
Lange 1

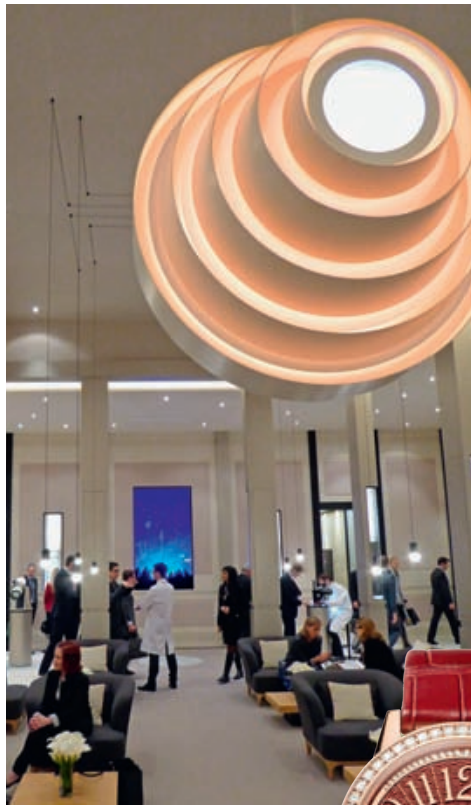
АЛЕКСЕЙ ТИХАНОВ

Бестселлер Piaget — тонкие Altiplano. В этом году часы в корпусах белого и розового золота размера «уни-секс» 34 мм и 38 мм вышли с браслетами из драгоценных металлов. Марка не зря объединяет часовщиков и ювелиров — она обладает специальным подразделением мастеров, изготавливающих браслеты. Как дизайнерские браслеты, подходящие к Altiplano, так и художественные — для ювелирных линий. Как раз к ювелирным линиям тяготеют часы из серии Black Tie Vintage Inspiration, представленные в 2014-м на Биеннале антикваров в Париже в рамках коллекции Extremely Piaget. Такие часы, созданные Ивом Пьяже в 1970-х, носил Энди Уорхол. Их новый вариант примечателен. Корпус ступенчатой формы, выполнявшийся в XX веке из желтого золота, теперь сделан из белого, кварцевый механизм заменен на «автомат», но дух 1970-х сохранен полностью. В Париже их циферблаты были сделаны нарочито яркими — из лазурита, нефрита и рубина. В часах, показанных на SIHH, был использован черный оникс, и модель эта имела такой успех, что марке впору задумываться о расширении или переиздании лимитированной серии.

Сверхтонкие механизмы Piaget знамениты в часовом мире, они пятнадцать раз ставили мировые рекорды. В этом году швейцарские часовщики представили самый тонкий в мире автоматический скелетон с турбийоном Piaget Emperador Coussin 1270S — вариант замечательной модели в корпусе «подушке», и хронограф Piaget Altiplano Chronograph. В хронографе с золотым корпусом 41 мм и толщиной 8,24 мм хронометрические шкалы расположены в одной плоскости с главным циферблатом. Задачей было сделать часы возможно более низкими — и за счет механизма 4,65 мм, и за счет того, что ни цифры, ни метки не поднимаются над поверхностью циферблата. При этом хронограф обладает дополнительным усложнением: он не только фиксирует время (в интервале до 30 минут), но и имеет симметричный минутному циферблату 24-часовой циферблат для второго часового пояса. В Piaget сделали часы-оммаж легендарной именной модели: речь идет о часах, которые в 1965 году впервые надела Джеки Кеннеди. Тогда это была модель из желтого золота, с поразительным по красоте циферблатом из жадеита и бриллиантами по ободку элегантного овального корпуса. Новые часы повторяют форму мемориальных, тоже золотые (белое и желтое золото), также с бриллиантами, но циферблат привычный, современный, то есть он уже не вырезан из камня. Примечателен гибкий золотой браслет, хитро, но и нежно обнимающий женскую руку: такие оригинальные «плетеные» браслеты были разработаны именно в Piaget в конце 1950-х.

Саксонские часовщики из A. Lange & Sohne отметили 20-летие своей знаменитой модели Lange 1, с которой начался когда-то разговор об «особом пути» немецкой мануфактуры. Лет десять назад, будучи в гостях в Гласхютте, мы встретились с одним из ее главных авторов — историком, дизайнером, часовщиком Райнхардом Майсом. Это он придумал невиданный до того асимметричный циферблат с крупными цифрами даты, разнесенными циферблатами (часовым-минутным и секундным) и указателем запаса хода. Часы Lange 1 не только показали всем, что в Германии появился новый часовой центр земли, но и заявили новые принципы часового дизайна. Часы Lange 1 постоянно оставались в каталогах A. Lange & Sohne, но в связи с двадцатилетием знаменитую модель решили наградить новым механизмом. Калибр L121.1 сохранил те же функции, что были в исходной модели, в том числе двойной заводной барабан, повышающий запас хода до трех суток, но прибавил к ним систему мгновенного переключения даты в полночь. Обновленные часы имеют все шансы остаться в ассортименте марки еще на несколько десятилетий. Точно так же, как и очередной вариант Datograph Perpetual, объединяющего хронограф-flyback и вечный календарь. Но кроме поддержания традиций на высоком механическом уровне, A. Lange & Sohne привезли в Женеву и абсолютно новую разработку — Zeitwerk Minute Repeater, часы, отбивающие время в десятиминутном, а не пятнадцатиминутном, как обычно, интервале. Звучащие часы, репети-тир, сообщали время следующим образом: сначала часы, потом четверти часа, потом минуты. По словам генерального директора марки Вильгельма Шмидта, коллекционеры репетиров уже записываются в очередь на новый Zeitwerk Minute Repeater. И конечно, как всегда у A. Lange & Sohne, в механизм внесено немало усовершенствований, в основном касающихся строгого разделения функций: в сложном функционировании репетира надо следить, чтобы одно действие механизма не вредило другому.

Марка Jaeger-LeCoultre, которая отличается неукротимой креативностью, на каждом Женевском салоне представляет множество часов с разнообразными усложнениями. За всеми уследить решительно невозможно. Видимо, в этом году здесь решили взять себя в руки и ограничиться часами с особым усложнением — фазами Луны. Обычно лунные фазы лишь добавляются к сложным часам. Теперь же, говорят часовщики Jaeger-LeCoultre, «они выходят на первый план». Надо сказать, что новинок все равно не менее десяти, но общую астрономическую тему выдержать удалось. Новинки Jaeger-LeCoultre можно разделить на две части — мужские и женские часы, при этом и те и другие посвящены астрономии, и те и другие технически совершенны. Достаточно сказать, что среди женских часов есть даже минутный репетир Rendez-Vous Ivy Minute Repeater, механизм которого виртуозно уло-

Audemars Piguet,
Millenary Joaillerie

Jaeger-LeCoultre,
Rendez-Vous Celestial

Montblanc,
TimeWalker Urban
Speed Chronograph
e-Strap

Baume & Mercier,
Promesse Joaillerie

жен в небольшой по диаметру 39-миллиметровый корпус. Линия женской коллекции включает также Rendez-Vous Moon. Кроме фаз Луны — а в Jaeger-LeCoultre уверяют, что прибывание и убывание Луны оказывает на женщину магическое воздействие, — в этих часах есть еще одно забавное усложнение, нечто вроде путеводной звезды, которой можно отметить один из часов дня, на который назначено важное событие. Звездой, Луной и стрелками управляют две заводные головки, украшенные бриллиантами. Мужские часы также разнообразны: Jaeger-LeCoultre продолжает развивать свою схему часов с двумя механизмами, двумя «моторами», один из которых отвечает за ход часов, другой — за работу усложнения. Этот революционный концепт часового калибра позволяет его частям работать независимо, не делиться энергией и не мешать друг другу. Один из таких приборов 2015 года, Duometre Spherotourbillon Moon, особенно показателен.

Сферотурбийон, сложнейшее объемное устройство — предмет гордости марки, занимает здесь ничуть не более почетное положение на циферблате слева, чем указатель фазы Луны справа. И не зря, потому что движение Луны в новом механизме рассчитано с удивительной точностью. Традиционный указатель фаз Луны потребует корректировки через два года — спутник Земли разоидется с часовыми шестеренками. В то время как Duometre Spherotourbillon Moon способен указывать лунное движение в течение непредставимых 3887 лет. Из «малого» усложнения, каким обычно считаются фазы Луны, часовщики сделали приспособление, не уступающее даже эталону сложности — турбийону.

Другой вариант астрономических часов — Master Calendar, классическая модель Jaeger-LeCoultre, восходит к часам, впервые выпущенным в 1945 году. Однако в новой модели использован модный материал циферблата — метеорит. Этот камень с высоким содержанием железа, найденный в Швеции (астрономы говорят, что происходит он из метеоритного пояса, существующего между орбитами Марса и Юпитера), был разрезан, обработан и поделен на пластины, которые станут циферблатами серии Master Calendar 2015 года.

Марка Baume et Mercier представила новые часы практически во всех своих

уже существующих часовых линиях, кроме разве что Capeland (и давно не виданной модели Riviera), а также новую женскую линии Promesse. Эти нарядные часы в духе 1970-х должны дополнить уже существующую коллекцию Linea: модели Promesse сразу придуманы как ювелирные — с перламутровыми циферблатами в стальном (и, возможно, в будущем в золотом) корпусе с бриллиантами. Женевская марка очень внимательно относится к своим коллекциям, потому что занимает в структуре Richemont особенное место. Как правило, часы Baume et Mercier — первые «настоящие часы», а к такому выбору люди подходят с особым вниманием. Поэтому здесь внимательно следят за тем, чтобы все модели выглядели именно часами, а не авангардной игрушкой. Они должны быть классичны, иметь едва уловимый оттенок ретро, словом, следовать всем кодам, напоминающим о том, что перед вами настоящий швейцарский хронометр.

Именно такой должна стать линия Classima — круглые образцовые минималистичные костюмные часы, существующие как в мужском, так и в женском варианте. У них, как считают в марке, идеальное соотношение цены и качества, механизмы начинаются от кварца и завершаются качественными «автоматами». Дизайнер Baume et Mercier Александр Перальди давно и много работает над линией Classima, в этом году он снабдил мужские 40-миллиметровые и женские 36,5 мм не только кожаными ремешками, но и браслетами «биколор».

Зато прямоугольные модели Hampton вполне могут быть и «вторыми» часами в коллекции. Выпущенные впервые 20 лет назад, они очень изменились, получили более сложные очертания, идеальное сопряжение металлического корпуса и сапфирового стекла и механизм с автоматическим подзаводом, открытый взгляду сквозь прозрачную заднюю крышку корпуса.

Мануфактура Audemars Piguet в 2015-м сконцентрируется на развитии женской линии. Так, в рамках SIHH были показаны новые блистательные ювелирные версии из харизматичной коллекции Millenary. Но эта базовая, пусть и очень дорогая линейка не осталась одинокой: у Audemars Piguet есть и харизматичные, «высокие» ювелирные часы, которые напоминают о временах панка — их корпус состоит из хоровода золотых с бриллиантами «шипов».

Марка Montblanc, которой руководит талантливый Жером Ламбер, показала не только часы (от простых, базовых вроде женских Boheme до моделей с complications), но и инновационный браслет — он предлагается к моделям Timewalker. Специальное устройство, расположенное в районе застежки, позволяет часам контактировать со смартфонами, считывая с них различную информацию. Кроме того, марка Montblanc стала центральным светским ньюсмейкером SIHH 2015: на вечеринке как «друг дома» публике была представлена Шарлотта Казираги.

—Panerai, Mare
Nostrum Titano 52 mm

ALEXSEY TAPANOV

—Greubel Forsey
GMT

ALEXSEY TAPANOV

—M&F, HM6

—Urwerk, UR210S

Часовщики Greubel Forsey — Робер Гребель и Стивен Форси — прославились своими часами, которые они превращают в трехмерную скульптуру. Их легендарные коллекционные турбийоны не лежат в плоскости циферблата, они наклонены под разными углами и хорошо видны. От этого изогнутый, сложный по очертаниям корпус часов Greubel Forsey иногда напоминает витрину для демонстрации часовых достижений, его задача не столько защитить драгоценное содержимое, сколько максимально открыть его взору. В этом году знаменитые часовщики поместили свой 24-секундный турбийон модели GMT с миниатюрным глобусом в нарядный бархатно-черный корпус из титана.

В Panerai к двум своим классическим моделям Radiomir и Luminor добавили одинаковое усложнение — это «уравнение времени». Появилась и лимитированная коллекционная винтажная модель, посвященная флагманскому магазину марки во Флоренции: величественный корпус мемориальных часов Radiomir украшен сложнейшей гравировкой. Кроме того, Officine Panerai показали вариант своей самой редкой линии — хронографов Mare Nostrum, разработанных на основе прототипов 1943 года.

Вокруг центрального Женевского салона уже несколько лет подряд успешно располагаются и другие часовщики. Они проводят собственные премьеры. Часовая марка Hublot представила новые версии своих часов Big Bang: это часы, в которых «принимает участие» швейцарское кружево. Изящное кружево золотого, серебряного и черного цветов присутствует не только на ремешках, но и на циферблате и даже на ободке корпуса. Для того чтобы вмонтировать кружево в ободок, мастерам Hublot пришлось применить почти секретную (и запатентованную) технологию, которую можно сравнить с лазерной.

Часовой мастер Франсуа-Поль Журн показал новый вариант часов Octa Lune с золотыми циферблатами из белого и розового золота. В корпус из платины или розового золота диаметром 40 мм или 42 мм помещен механизм 1300.3, построенный из розового золота с золотым же ротором автоподзавода. На циферблате F.P. Journe Octa Lune — указатель запаса хода на 120 часов с ретроградной стрелкой, индикатор фазы Луны и крупное окошко даты.

Максимилиан Бюссер, создатель MB&F, показал две пары часов. Первая модель нам уже известна — это Legasy Machine 1, «Историческая машина No. 1», или LM1. О ее идее Бюссер говорил так: «Что бы случилось, родился я в 1867-м, а не в 1967 году? Мне все равно хотелось бы создавать трехмерные часовые машины, но для вдохновения не было бы „Звездных войн“ и реактивных истребителей. Зато были бы карманные часы, Эйфелева башня и романы Жюль Верна. Ответом на мой вопрос стала бы „Историческая машина No. 1“». Это, кстати, единственные часы, победившие дважды на конкурсе Grand Prix d'Horlogerie de Geneve. В 2012 году Бюссеровская LM1 сначала получила приз зрителей, а потом главный приз в номинации «Мужские часы». Бюссеру пришлось выходить на сцену дважды — притом

что заготовленная на всякий случай речь была израсходована в первом же случае. В 2015-м выходит новая, платиновая версия модели, похожей на астрономический инструмент XIX века, укрытый лабораторным стеклянным колпаком, — с балансом посреди и двумя независимыми циферблатами разных часовых поясов. Над часами работали авангардист Жан-Франсуа Можон и классицист Кари Вотилайнен. MB&F не зря означает Maximilian Busser & Friends, на сей раз друзья его опять не подвели. Вторая же новинка — Horological Machine No. 6 «Space Pirate» — была продемонстрирована нам под страшным секретом, раскрыть который мы вправе только сегодня.

Марка Urwerk (часовщик Феликс Баумгартнер и дизайнер Мартин Фрай) показала вариант фирменных часов с сателлитным указателем. Это UR-210S Full Metal Jacket из титана и стали с сателлитным указателем часа и ретроградной минутной стрелкой. Корпус «урверков» всегда выглядит так же необычно, как и его механизм. Но на сей раз, когда сложный металлический корпус обнимает массивный металлический браслет, часы неожиданно обрели почти классическую стройность. Киноман Мартин Фрай — надо думать, что это он назвал часы в честь «Цельнометаллической оболочки» Стенли Кубрика, —

считает эти часы «самой дизайнерски совершенной моделью» марки. Еще одна их особенность — двойная индикация запаса хода. На одной из шкал часы измеряют свой завод в зависимости от физической активности их владельца, другая позволяет привести систему автоматического подзавода в соответствие с этим показателем или вовсе ее отключить. «UR-210 рассказывает вам столько же о вашем образе жизни, сколько о работе собственного механизма», — объясняет Феликс Баумгартнер. Любопытный

механический ответ на электронные «коннектированные часы», которые отслеживают все, что происходит с владельцем.

Марка De Bethune, созданная Давидом Дзанеттой и Дени Флажолем, знаменита своей техникой и вниманием к часовой эстетике. De Bethune — настоящие неоклассики, и в последние годы они, как и многие большие марки, обратились к идее украшений, Metiers d'Art. Речь не о том, чтобы добавить часам стоимости или привлечь новых клиентов: марка едва успевает обеспечивать старых. Это просто новый опыт для самих создателей De Bethune, страстных любителей часов. В 2014-м они уже делали серию с микроскульптурой на китайскую тему в центре циферблата, а в 2015-м выпустили лимитированной серией в два десятка экземпляров часы De Bethune DB25T Zodiac. Их механизм с ручным подзаводом имеет четырехдневный запас хода с индикатором. Главное украшение циферблата с часовой, минутной и прыгающей секундной стрелками — 12 знаков зодиака на отметках часов. Даже прекрасный дебетюновский турбийон, на оси которого закреплен 30-секундный индикатор, виден только на обороте корпуса.

—Hublot, Big Bang
Broderie

«АРТИСТ» И ЧАСОВЩИК О КАРЬЕРЕ ЖАНА ДЮЖАРДЕНА МИХАИЛ ТРОФИМЕНКОВ

Кому-кому, а Жану Дюжардену определение «тяжеловес» ну никак не к лицу: что, как не изощренная легкость, принесла ему и каннский приз, и «Золотой глобус», и премию BAFTA, и «Оскар» за роль звезды немого кино Джорджа Валентайна в «Артисте» (2011) Мишеля Хазанавичуса. Однако же как еще назвать актера из провинциальной на голливудский взгляд Франции — даже его имени еще три года назад никто в Калифорнии не слышал, — снимающегося отныне у «самых» Мартина Скорсезе («Волк с Уолл-стрит», 2013) и Джорджа Клуни («Охотники за сокровищами», 2014).

В «Мебиусе» (2013) Эрика Рошана его Моисей — вор в законе и суперагент ФСБ, расписанный самыми модными колымскими тату и выдающий себя за канадского писателя, одерживает верх над вредным олигархом Иваном Ростовским — «самим» Тимом Ротом. И на зависть всем олигархам носит на руке часы F.P. Journe. Хотя сам Франсуа-Поль Журн всегда говорил: «Единственные звезды для меня — это часы», но и он не устоял, как не устоял Голливуд.

Утвердиться в Голливуде не удалось ни Алену Делону, ни Жерару Депардье. Дюжарден берет за них реванш — играючи, как все, что он делает. Делон пытался «открыть Америку» в тридцатилетнем возрасте, в ауре звездного актера Антониони и Висконти: тогда, в середине шестидесятых, даже Голливуд «велся» на высоколобое авторство. Дюжардену выпала козырная, оscarовская карта за четыре месяца до его сорокалетия: так не бывает. Тем более что в отличие от космополитической славы Делона слава Дюжардена отличалась чрезмерным французским колоритом, что лишало его и тени шанса на интернациональный успех.

Участник модной «банды», выступавшей по кафе-театрам и барам. Звезда сверхопулярного пародийного телесериала «Парень и девушка» (1999–2003). Французский анти-Бонд, неотразимый мачо, не отличающийся умом и сообразительностью, в фильмах того же Хазанавичуса «Агент 117: Каир — шпионское гнездо» (2006) и «Агент 117: Миссия в Рио» (2009). Короче говоря, «Брис из Ниццы» (название этого фильма Джеймса Юта в российском прокате перевели, польстив герою, как «Брис Великолепный»).

О популярности Дюжардена на родине красноречивее всего говорит то, что организаторы антипремии «Жерар» в 2005 году ввели в ее регламент специальную номинацию: «Худший фильм года с участием Жана Дюжардена». Впрочем,

это нечто большее, чем популярность: это любовь. Наподобие искренней любви французов к шпионским романам 1950-х годов о подвигах какого-нибудь Гориллы или Черного Монокля или — вполне академическое жанровое определение — к «тупому и злобному» юмору.

Но в то же время если кто-то и мог претендовать на продолжение старой, доброй традиции плутовского кино, то это Дюжарден. Его аферист Кэш в «Отпетых мошенниках» (2008) Эрика Беснара достойно наследовал обаятельным жуликам из фильмов 1960–1970-х годов.

— Моисей — вор в законе и агент ФСБ, выдает себя за канадского писателя, «Мебиус», 2013

В «мебиусе» моисей дюжардена на зависть олигархам носит титановые часы f.p.journe

Зато «Артист» никак не вписывался в логику французской киноиндустрии, никак не вязался с имиджем Дюжардена, да и он сам на первых порах отбивался от роли Валентайна руками и ногами. Телевизионные боссы смеялись над олухами, просившими у них денег на черно-белый и немой фильм. Госкомиссия отказалась выдать продюсерам аванс. Потребовалась интуиция молодого хищника Тома Лангмана, продюсера дилогии о гангстере Месрине и «Астерикса с Обеликсом», чтобы «Артист» состоялся.

Когда на сцену лос-анджелесского театра «Кодак» взлетели за своим «Оскаром» Дюжарден и его напарник по «Артисту» джек-рассел-терьер Агги, возникла полная иллюзия, что явился сам Валентайн со своим песиком Джеком. Актер и

персонаж нашли и полюбили друг друга: чистейшая, ничем не замутненная, почти не встречающаяся гармония.

Изумительно, что так же нашли друг друга и Дюжарден с Александрой Лами. На протяжении четырех лет изображая на экране супругов Лулу и Шушу, они в конце концов в июле 2009 года поженились.

Обычно, восхищаясь «игрой» животного на экране, говорят: «Ну совсем как человек!» В случае с Дюжарденом-Валентайном этот комплимент хочется поставить с ног на голову, воскликнув — и в этом не будет ничего обидного для актера,

— В 2011 году потребовались невероятные усилия, чтобы «Артист» с Жаном Дюжарденом в главной роли состоялся

— Утвердиться в Голливуде не удалось ни Алену Делону, ни Жерару Дюпардье: **Жан Дюжарден** берет за них реванш

— До «Артиста» Дюжарден играл персонажей-фикций, страдающих идиотом, живущих в реальности любого рода, — в «99 франках», 2007

как раз наоборот: «Ну совсем как животное!» Артист, как и было сказано. «Артист» заставляет взглянуть на французскую

карьеру Дюжардена по-новому. В конце концов, кто такой душка Валентин? Фикция, тень, по большому счету идиот. Красавчик, которого можно безболезненно заменить другим красавчиком, в отличие от Джорджа адаптированным к звуковому кино. Иллюзия, которая не перестает быть иллюзией оттого, что страдает. Валентин — сборная конструкция: усики и смокинг Кларка Гейбла, прищур и шпага Дугласа Фэрбенкса, лоб и взгляд Джона Гилберта.

Но ведь и до «Артиста» он играл таких же персонажей-фикций, таких же страдающих идиотов, живущих в реальности особого рода, подражающей экранным, телевизионным, рекламным образцам. Эмоции у Лулу и Шушу включались и выключались так, словно властелин Вселенной щелкал пультом. Они несколько не удивлялись перемене от эпизода к эпизоду предполагаемых обстоятельств. Еще вчера Лулу скрипел от ненависти к теще, изменял жене и болел за «Пари Сен-Жермен», а Шушу до изнеможения болтала по телефону с подругами, убивая время на рабочем месте. А сегодня хлоп — и оказались на необитаемом острове. Агент 117 гонялся по всему миру за секретным микрофильмом, забыв, что пресловутая пленка имплантирована в его собственную грудь, с опозданием догадываясь, что участвовал в бисексуальном групповике и боролся с хиппи-нацистами. Бедолага Брис мнил себя Патриком Суэйзи из фильма Кэтрин Бигелоу «На гребне волны» и самоотверженно боролся за победу в конкурсе серфингистов с Бабакаром из Дакара, Никосом с Миконоса и прочими Жибетами из Тибета. Хотя никогда в жизни на доску не вставал, а только таскал ее с собой по вечеринкам. Но зато он и не удивлялся, когда беременел от девушки своей мечты: ведь она оказалась русалкой, а у русалок так принято.

Однажды герой Дюжардена в экранизации Яном Куненом романа Фредерика Бегбедера «99 франков» (2007) решался на бунт против мнимой реальности, в которой все возможно и все ложно. Но и ему, хотя он сам эту реальность и создавал, трудясь на рекламной стезе, оказывалось не под силу ее преодолеть. Да и пафос бунта был Дюжардену противопоказан. Его амплуа — большой ребенок, верящий в технологические сказки, а не пытающийся разломать любимые игрушки. В свете «Артиста» Лулу и Брис вырастают до масштабов чуть ли не символов эпохи «общества зрелищ». Ну а Дюжарден оказывается подлинным героем нашего времени.

— **F. P. Journe, Octa Calendrier**, корпус из платины, калибр 1300.3 из розового золота, обеспечивающий функцию годового календаря, с автоматическим под-запасом хода, 2011

Во время Женевской ярмарки SIHH глава и создатель марки F. P. Journe Invent et Fecit встретился с корреспондентами «Стиля».

— Вы раньше никогда не надевали свои часы на руки кинозвездам. Единственные звезды для меня — это часы. Все остальное — руки, ноги и голова — к ним прилагается.

— Но почему тогда вы согласились дать часы Жану Дюжардену?

— Меня попросили продюсеры, и я решил попробовать. Я подумал, что Дюжарден только что получил «Оскара» за своего «Артиста». Значит, его новый фильм будет смотреть вся киношная верхушка — актеры, сценаристы, режиссеры, рецензенты. Умная публика, талантливая. Я бы не дал свои часы в первый попавшийся блокбастер, потому что зрители с ведром попкорна меня, честно говоря, не интересуют.

— А если время этого требует?

— Что такое время? Времени не существует!

— И это говорит часовщик?

— Ну конечно, вы же знаете, что у нас нет прошлого — это только воспоминания. Но нет и будущего — это только страхи и надежды, к тому же нередко ложные.

АЛЕКСЕЙ ТАРХАНОВ

звезды для меня — часы франсуа-поль журн

— Вы любите читать философов?

— Мне не нужны философы, я сам могу изрекать разные многозначительные глупости.

— Похоже, вы склонны к меланхолии?

— Я? Да я холерик, нестерпимый тиран! Я терпеть не могу, когда я объясняю что-то, а мои сотрудники меня не понимают и переспрашивают.

— Вы же механик, сделайте себе помощников-автоматов.

— Меня не интересуют автоматы. На самом деле делать их не так уж сложно. Если, конечно, не стремиться к совершенству Вокансона, Жаке-Дро или — из современных — Франсуа Жюно. Он настоящий изобретатель. — Но и вы изобретатель. Например, часов с алюминиевым корпусом.

— Это была хорошая идея, но теперь я заменил их сверхлегкий корпус на титановый. Разница в 10 граммов, а технологически производить проще. Но та модель осталась в нашем музее: каждый год модель с номером 0 мы отправляем в музей.

— А есть ли люди, ваши клиенты, у которых хранятся коллекции ваших часов?

— Я знаю по крайней мере пятерых, у каждого из них по 40–50 моих часов. Мне это очень приятно, когда я делаю новые вещи, я думаю о них.

— Но это же хорошо, что за много лет вы их ни разу не разочаровали.

— В одном мы, часовщики, схожи с актерами. Нас всех судит публика, это она решает, что хорошо, а что — плохо.

Беседовали
Екатерина Истомина
и Алексей Тарханов

— «Отпетые мошенники» —

в паре с лейтенантом Интерпола Джулией Молиной (Валерия Голино), 2008

ДЕПРЕССИВНЫЕ ТАНЦЫ СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ О СВОИХ JAUQUET DROZ

Каждый год Михаил Куснирович дает Bosco-бал. Каждый раз он придумывает какую-нибудь актуальную тему: ну типа «инновации», и тогда все едут в Сколково, или «ностальгический бал», и все, подняв подола вечерних платьев, хлюпают по декабрьской слякоти в Колонный зал. Шеф Bosco знает, как развлечь публику. Но история с «депрессивным балом» — особенная. В тот декабрьский вечер разряженные друзья и члены Bosco family, которые пришли отпраздновать начало «плохих времен», были срочно эвакуированы в помещение совсем не гламурное, подземное, с проводами и пятнами на потолке. На авансцене сидели музыканты Игоря Бутмана в женских розовых париках и блестящих платьях, изображая героинь джаз-бэнда из памятной голливудской комедии «В джазе только девушки». Увидеть такое количество травести на семейном празднике Bosco никто не ожидал, но все сделали вид, что так и надо. Тем более что дальше на сцену вышел Иван Ургант во всем мужском, и действие двинулось по налаженному сценарию: шампанское пенилось, Ургант острил, Киркоров пел, кордебалет задирает ноги... И все было бы чудесно, если бы в какой-то момент Куснирович строгим голосом пионервожатого не объявил в микрофон: «А теперь танцы!»

Публика отозвалась как-то вяло. Записных танцоров было немного, да и они предпочитали посидеть в уголке, поглядеть, что будет дальше, как пойдет, ну а там видно будет... Знакомая тактика всех массовых мероприятий, где сходятся отъявленные индивидуалисты. Предвидя это, Куснирович стал сам составлять пары и объявлять их: Киркоров и Хильчевская... Синдеева и Сюткин... Роднина и... Николаевич. «О Господи!» — подумал я. С Ириной мы не были знакомы. То есть я, как и все люди, родившиеся и прожившие первую половину жизни в СССР, знал, кто это. Неоднократно встречал ее на мероприятиях Bosco — живая, улыбчивая брюнетка, предпочитавшая оставаться в тени своей знаменитой подруги, телевизионной дивы Оксаны Пушкиной. Но вот чтобы так идти к ней и предлагать: «Давайте потанцуем»... Но куда деваться? Отказываться было бы жалко и глупо. Ирина тоже, кажется, была смущена. Но в ее глазах читался лукавый вызов: а почему бы после всех ее призов и медалей не сразиться за кольцо Pomellato, которое было обещано в награду лучшей паре. Что полагалось партнеру, я даже не обратил внимания. Достаточно было того, что мне предстояло танцевать с самой Родниной.

Первый раунд прошел легко. Народу собралось много. Все толкались, как в сельском клубе, и при желании можно было даже сойти за приличного танцора. Роднина на танцполе выглядела не менее убедительно, чем на льду. Она прекрасно чувствовала ритм, легко переходила с чарльстона на босанову, а потом на румбу. Моей задачей было только не мешать ей, ну а когда требовалось — подставить плечо или локоть. В какой-то момент я даже забыл о том, что танцую с легендарной чемпионкой. Мы были парой. И у нас была цель — продержаться до конца. На самом деле это оказалось дико сложно. Уже под конец второго раунда перед глазами стали отчетливо всплывать кадры из фильма «Загнанных лошадей пристреливают, не правда ли?». Кино, кстати, тоже о временах американской депрессии, где несчастные

почему бы не сразиться за кольцо pomellato, которое было обещано в награду лучшей паре. что полагалось партнеру, я даже не обратил внимания. достаточно было того, что мне предстояло танцевать с самой родниной

— Культовые «танцующие» часы Сергея Николаевича — это **Jaquet Droz Grande Seconde Email Ivory** с корпусом из розового золота диаметром 43 мм, автоподзаводом и запасом хода на 68 часов

люди сутками напролет участвовали в танцевальных марафонах. Даже не танцевали, а просто висели в объятиях друг друга, боясь после всех перенесенных мучений лишиться шанса на вожделенный приз. Мы до этого, конечно, с Ириной не дошли, но не без страха поглядывали по сторонам, видя, как наши конкуренты один за другим выбывают из игры. Пространство танцпола становилось все свободнее. Нам никто уже не мешал. В каком-то предобморочном тумане я видел, как танцует Юлия Бордовских. И какая она красивая. Я чувствовал своей мокрой спиной взгляды жюри.

...Звучит медленный фокстрот «Tea for two». Мы изображаем Джинджер и Фреда. Я даже пытаюсь бить чечетку. И про себя только молю Бога, чтобы сейчас не объявили что-нибудь быстрое.

«А теперь рок-н-ролл!» — объявляет Куснирович. И розовые парики, словно мстительные эринии, впившись в свои саксофоны, выдают «Чаттануга чу-чу» со всеми полагающимися коленцами и кульбитами. Я не слышу музыки, я не чувствую своих рук и ног. Я знаю одно, что не должен уронить Роднину и рухнуть сам. Все остальное уже не так важно. Полумертвые от усталости, мы замерли в ожидании решения жюри, которое возглавлял Олег Янковский. Главный приз — кольцо Pomellato и наручные часы Jaquet Droz — достаются... Ирине Родниной и Сергею Николаевичу. А-а-а! Мы бросаемся друг другу в объятия под вспылками блицев. Рефлекс, сохранившийся у Родниной со времен ее спортивных триумфов, сработал и на этот раз. Она снова первая. Она всегда первая. Ну а ее партнеры? Они всегда вторые, хотя им тоже полагалось золото.

НОВОЕ ИСКУССТВО МОДЕРН ЕКАТЕРИНА ИСТОМИНА

лилии, орхидеи,
фиалки, змеи
и ласточки —
герои модерна

В декоративно-прикладном искусстве величавый, сложный, причудливый модерн, в сущности, был «задвинут» последующим художественным течением — ар-деко, о появлении которого было официально сообщено на выставке в Париже в 1925 году. Между тем у модерна существовали свои великие декоративные мастера — от Лалика до Фуке. Сегодня этот стиль вряд ли можно назвать доминирующим, непременно присутствующим у большинства часовых или ювелирных марок. Но все-таки темы модерна, его особенные палитры и оригинальные, непростые орнаменты, его острая эротическая чувственность, декоративность привлекают определенное внимание. Модерн предвосхищал тот самый «Закат Европы», великий труд Освальда Шпенглера, предчувствовал скорый крах европейских монархий и войну, но переключал внимание на личные страдания: это выражалось и в новых формах — антигеометричных, асимметричных, трудно различимых с первого взгляда. И в героях — совершенно новых цветах, птицах, животных, насекомых. И в материалах — ином цвете золота, патинированном серебре, цветной эмали, опалах, цветном барочном жемчуге, мрачном кровавом гранате, разноцветной слюде. Модерн вынес вперед и новые конструкции — самым разрекламированным ювелирным предметом его эпохи считается сложнейший браслет-змея, сделанный Лаликом для Сары Бернар. Но были и часы-медальоны, и кольца-часы, и декоративные флакончики для всевозможных зелий, и булавки, и короткие колье-змеи, и асимметричные диадемы с хищными стрекозами, и даже ювелирная кобура для браунинга — самоубийства, в том числе дамские, редкостью тогда не были. Нынешние часовые и ювелирные предметы, подражающие модерну, вне сомнений, уже не несут в себе той тревоги, того ощущения всемирного конца и упоительного его ожидания. Но они заимствуют характерные для этого стиля цветы, используют тех же птиц, они увлечены декоративностью. Без истерики и исключительно ради искусства.

1__ Часы Boucheron ,
Ajouree Visues	7__ Часы Garrard
2__ Часы Van Cleef
& Arpels , Charms
Extra Desir	8__ Кольцо
Nikos Koulis
3__ Часы-медальон
Viktor Mayer	9__ Часы Chaumet
Hortensia
4__ Часы-медальон
Viktor Mayer	10__ Часы Parmigiani
Toric Lepine Special
Edition Lalique
5__ Часы Jaeger-
LeCoultre Rendez-
Vous Yvy Minute
Repeater	11__ Часы Chopard ,
Heure du Diamants
6__ Часы Cartier
Orchidee Granulation	12__ Часы Dior
VIII Grand Bal Piece
Unique 36 mm

10.

11.

12.

9.

7.

8.

6.

5.

4.

3.

2.

1.

ДИСЦИПЛИНА ГЕОМЕТРИИ КУБИЗМ ЕКАТЕРИНА ИСТОМИНА

3.

2.

4.

5.

1.

6.

7.

8.

фигуративных
оформлений циферблатов
становится все больше

Кубизм — течение не только глубоко идеологическое, но и декоративно-прикладное. Его приметы — возможность изображать объекты путем их максимального визуального упрощения и создания геометрических абстракций — находятся даже в наручных часах.

В большинстве случаев речь идет о современных очень дорогих художественных моделях, сделанных в традиции Metiers d'Art, которая и сегодня не теряет своей популярности и актуальности. Однако если раньше эмалиеры, мастера маркетри, мастера по инкрустации белым и цветным перламутром выбирали для своих циферблатов привлекательные и понятные фигуративные изображения — птиц, насекомых, цветов, то теперь в ход пошли целые абстрактные полотна. Совершенно удивительную модель Parmigiani Tonic Quaestor Labyrinth с металлической сеткой-прицелом можно даже причислить к произведениям соседей кубизма дадаистов — например, к анти-объектам, которые делал Франсис Пикабия.

Художественные часы Jaeger-LeCoultre напоминают о классике кубизма: разлетающиеся в сторону драгоценные лучи из бриллиантов и перламутра представляют собой готовое полотно. Тем же путем — создания гневного геометрического хаоса — идут и во французском ювелирном доме Van Cleef & Arpels. Их черно-белая графическая модель напоминает полотна Жоржа Брака, нельзя не отметить и ее парижской элегантности.

Многие марки в оформлении своих циферблатов прибегают и к свойственной кубизму условности, когда вещь, вне сомнений, угадывается, однако тонет в намеренной абстрактности изображения. К таким предметам стоит отнести модель Boucheron Epure d'Art Fleur du Jour и Parmigiani Tonda Woodstock. Похоже, что в будущем марки будут обращаться к кубизму и другим его собратьям — фовизму и футуризму — еще чаще: фигуративных оформлений циферблатов становится все больше.

- 1__Parmigiani, Tonda Woodstock
- 2__Parmigiani, Tonic Quaestor Labyrinth
- 3__Bvlgari Octo Date
- 4__Jaeger-LeCoultre, Master Tourbillon Joaillerie
- 5__Jaeger-LeCoultre, Master Tourbillon Joaillerie
- 6__Jaeger-LeCoultre, Master Joaillerie
- 7__Van Cleef & Arpels, Midnight Inspiration Art Deco Reflets
- 8__Boucheron, Epure d'Art Fleur du Jour

ДЕКОРАТИВНАЯ КОСМОНАВТИКА «АСТРОНОМЫ» ЕКАТЕРИНА ИСТОМИНА

астрономия вышла
на декоративный уровень

К часам со сложнейшими астрономическими функциями (к таким, к примеру, относится Jaeger-LeCoultre Master Grande Tradition Grande Complication) по-прежнему применимо гордое определение — «часы-астрономы». Многие марки с удовольствием выпускают модели с функцией фаз Луны (к таковым относится новое произведение Франсуа-Поля Журна Octa Lune и совершенно прелестные женские часы Jaeger-LeCoultre Rendez-Vous Moon). Столь романтические «лунники» довольно часто и технически крайне логично сочетаются с вечным календарем — как в Montblanc Heritage Chronometrie или в Montblanc Boheme Perpetuel Calendar.

Сегодня само понятие «астрономические часы» расширяется. Если раньше речь шла только о технических особенностях тех или иных сложных моделей, то сегодня определение «астрономы» может быть применено к часам, которые имеют специфическое, так или иначе связанное с космосом оформление. Уже несколько лет многие марки (к примеру, Piaget, Rolex, Parmigiani, Chaumet, Dior, Audemars Piguet или Van Cleef & Arpels) предлагают циферблаты, сделанные из различных поделочных камней — сердолика, яшмы, малахита, авантюрина, бирюзы, ляпис-лазури, тигрового глаза, нефрита или рубеллита. Рекордсменом среди них можно считать компанию Jaquet Droz, которая изготавливала циферблаты не только из всех перечисленных камней, но даже из куска давно окаменевшей секвойи.

Теперь пришел черед циферблатов, выполненных из пластин различных метеоритов. Таким образом, подобные часы тоже можно отчасти считать астрономическими. Наиболее заметные среди них — Parmigiani Tonda 1950 Special Edition Meteorite и Jaeger-LeCoultre Master Calendar. Циферблаты этих часов выполнены из метеоритов разных фактур и оттенков.

- 1__Jaeger-LeCoultre, Master Calendar
- 2__F.P. Journe, Octa Lune
- 3__Jaeger-LeCoultre, Master Grande Tradition Grande Complication
- 4__Parmigiani, Tonda 1950 Special Edition Meteorite
- 5__Montblanc, Heritage Chronometrie
- 6__Montblanc, Boheme Perpetuel Calendar
- 7__Parmigiani, Tonda 1950 Special Edition Meteorite
- 8__Jaeger-LeCoultre, Rendez-Vous Moon

ЗНАКОМЫЕ ЛИЦА НОВАЯ КЛАССИКА ЕКАТЕРИНА ИСТОМИНА

1.

2.

3.

6.

4.

5.

7.

8.

9.

сегодня марки переиздают классические часы со сложным дизайном

В этом году снова вошли в моду классические часы, но совсем не такие простые, как были в 2009 году, когда марки бросили свои радикальные эксперименты и принялись все как одна издавать практически одинаковые «трехстрелочники». Тогда благодаря мировому финансовому кризису многие покупатели смогли оценить красоту без изысков, красоту обычной функциональности.

Теперь же стала популярна классика совсем иного рода — это, как и раньше, исторические, но на этот раз сложные предметы, многие из которых ждали своего часа для появления на сцене. Во-первых, это памятные мемориальные вещи: к таким стоит отнести две модели дома Piaget — лаконичные и чуть галлюциногенные часы Энди Уорхола, а также маленькую ювелирную модель, созданную как omaggio знаменитым часам для Джеки Кеннеди — с овальным корпусом, украшенным бриллиантами, и с нефритовым циферблатом.

О собственной истории вспомнили и в старинной марке Panerai, украсив характерный корпус культовой модели Radiomir красивой гравировкой; такую модель, однако, можно будет приобрести только во флагманском магазине компании во Флоренции.

Переизданием легендарных в прошлом часов активно занимаются французы, дома, сидящие по соседству на Вандомской площади, — Boucheron и Van Cleef & Arpels. Первые еще в 2014 году наконец-то перевыпустили свои легендарные Reflet, созданные еще в 1947 году и открывшие эпоху «часов со сменными ремешками». В Van Cleef & Arpels пошли еще дальше и представили на прошедшем в январе в Женеве Салоне высокого часового искусства свои Cadenas, сделанные в 1936-м. Эта модель, название которой переводится как «замок», уникальна, она — манифест ар-деко, предмет, рожденный от истинной функции и полностью ее утративший.

1__Blancpain, Chronograph Pulsometre
2__Cartier, Ballon Blanc de Cartier
3__Piaget Altiplano Automatic
4__Van Cleef & Arpels, Cadenas
5__Piaget, Limelight Party
6__Chaumet, Dandy
7__Boucheron, Reflet 1947
8__Panerai, Radiomir Firenze 3 Days Acciaio 47 mm
9__Piaget, Limelight Party

ЗНАК НА СЧАСТЬЕ FASHION-ШАРМЫ ЕКАТЕРИНА ИСТОМИНА

1.

2.

3.

фирменная подвеска —
самый маленький подарок
от великого модного дома

5.

11.

7.

6.

9.

10.

8.

4.

В конце 2014 года итальянский модный дом Salvatore Ferragamo объявил о том, что начинает выпуск ювелирных украшений. Ход, прямо скажем, далеко не новый: многие модные компании, а среди них Chanel, Dior, Gucci, Louis Vuitton и Hermes, имеют собственные драгоценные линейки. А Chanel, Louis Vuitton и Dior даже выпускают украшения и ювелирные часы самого высокого класса. Но для Salvatore Ferragamo драгоценности — дело новое, поэтому марка начинает с проверенных тем. А именно — с изготовления небольших, очень реалистичных подвесок, которые с давних викторианских времен принято называть на французский манер «шармами».

Дебютная ювелирная коллекция Salvatore Ferragamo — это самые знаменитые туфельки марки. Те самые, которые делал главный обувщик «золотого века Голливуда» простой флорентийский ремесленник Сальваторе Феррагамо. Ювелирные туфельки Salvatore Ferragamo нужно подвешивать на браслет или на цепочку.

Практически каждый модный или ювелирный дом имеет такие милые собрания. К примеру, Louis Vuitton смело прибегает к своей фирменной теме: его подвески — это позолоченные, с эмалью и поделочными камнями сумки. Дом Dior в своих «шармах» вспоминает о том, что его основатель Кристиан Диор любил цветы (в 1947 году он создал образ «женщины-цветка» — new look), пожалуй, не меньше, чем прикладывать руку к созданию грандиозных моделей своей компании. Вот почему фирменные подвески Dior — это и эмалевые цветы, и позолоченные ножницы с посеребрёнными наперстками, а также крохотный стул-подвеска, точная копия своих собратьев, стоявших во время первых дефиле в салоне Dior на авеню Монтень, 30.

Ювелирные дома, например американский дом Tiffany & Co., при изготовлении «шармов» вспоминают о символах своего родного города и своей марки — о знаменитых нью-йоркских такси и заветной голубой коробочке. Американский дизайнер и многодетная мама Юдит Рипка никогда не забывает о том, как важны дети: «шармы» Judith Ripka — это коляска и детские туфельки. Harry Winston тоже напоминает о самых важных моментах в жизни, «шармы» марки — это золотые конверты и обручальное кольцо с бриллиантом-солитером.

- 1__Подвеска
Judith Ripka
- 2__Подвески
Harry Winston
- 3__Подвеска
Harry Winston
- 4__Подвески
Salvatore Ferragamo
- 5__Подвеска
Salvatore Ferragamo
- 6__Подвеска Dior
- 7__Подвеска Dior
- 8__Подвеска
Louis Vuitton
- 9__Подвеска
Louis Vuitton
- 10__Подвеска
Judith Ripka
- 11__Подвеска
Tiffany & Co.

СКЕЛЕТЫ В ЧАСОВОМ ШКАФУ

СКЕЛЕТОНЫ—2015

ТИМУР БАРАЕВ

2.

3.

4.

5.

1.

6.

сейчас скелетоны обживают все существующие часовые виды — от дизайнерских до авиационных

До недавнего времени скелетоны относили к классу ювелирных часов. Обнаженная красота механизма, подчеркнутая сочными яркими рубинами, закрепленными в отполированные до зеркального блеска золотые шатоны, вполне компенсировала недостаточную функциональность и неважную считываемость показаний. Люди и воспринимали такие часы как ювелирный браслет со стрелками.

Сейчас скелетоны успешно обживают все существующие часовые виды — Grande Complication, классические, спортивные, ювелирные, дизайнерские, дамские и даже авиационные. В увлечении скелетонам замечены все часовые дома, за исключением массовых Rolex и Breitling. И пора бы уже часовщикам остановиться. Два года тому назад марки вдруг выпустили минутных репетиров и наручных музыкальных шкатулок чуть ли не больше, чем есть на этом свете людей, способных их приобрести. Сегодня, кажется, количество любителей скелетонов существенно уступает уровню предложения.

Например, на минувшем Женевском салоне независимый дом Audemars Piguet представил аж пять скелетонов в новой коллекции Exception. Учитывая, что главная модель — концепт-часы Royal Oak Concept RDN¹ — тоже представляет собой авангардный скелетон, получается подюжины. Хотя концепт этот, конечно, хорош. Audemars Piguet Royal Oak Concept RDN¹ — это первый наручный репетир, бой которого можно слышать не напрягаясь. Над особой секретной сталью для гонгов и способами еековки специалисты Audemars Piguet и Технологического института Лозанны работали восемь лет. Кстати, не исключено, что именно скелетонизирование механизма превратило культовый корпус Royal Oak из стали и титана в прекрасный резонатор звука.

Roger Dubuis, отмечающий 20-летие, вообще объявил 2015-й годом скелетонов и представил одни только скелетоны: они созданы на базе трех новых механизмов, разработанных специально для часов-скелетонов. Кстати, это блестящая идея. И правда, зачем брать готовый механизм, разбирать его, мучиться, выпиливая куски из платины, потом вытачивать и декорировать? Ведь можно с самого начала выпустить механизм со скелетонизированными пластинами! Модель, на которую дом делает главную ставку, называется Roger Dubuis Excalibur Automatic Skeleton. Она оснащена абсолютно

новым автоматическим калибром RD820SQ с запасом хода 52 часа. Это первый скелетон Roger Dubuis без турбийона. Корпус диаметром 42 мм сделан из розового золота.

Дом Parmigiani представил всего три новинки, и опять же все они скелетоны. Главные модели — мужская и женская Parmigiani Tonda 1950 Squelette — созданы на базе только что скелетонизированного ультратонкого автоматического калибра PF701 частотой 21 600 пк/ч и 42-часовым запасом хода, который в данном исполнении получил название PF705. Высота механизма составляет всего лишь 2,6 мм, самих часов — 7,8 мм. Особенно красив этот механизм с обратной стороны, где ручная гравировка и полировка мостов видна гораздо отчетливее.

Самую впечатляющую россыпь скелетонов показал дом Cartier. Топ-модель Cartier Rotonde de Cartier Grande Complication — это самые сложные часы в истории дома. Ультратонкий автоматический механизм Calibre 9406 MC высотой 5,49 мм имеет минутный репетир, турбийон и вечный календарь. Все усложнения уже существовали и неоднократно выходили в прежних моделях Cartier, но вместе представлены впервые. Скелетонизация механизма из 578 деталей — отдельный подвиг. Очень интересна система автоподзавода: вращаясь влево, платиновый ротор взводит барабан часового механизма, правое вращение заряжает энергией барабан модуля минутного репетира. Однако не меньшей похвалы заслуживает дизайнерский скелетон Crash Skeleton Watch. Это модель, в которой калибр 9618 MC с ручным подзаводом точно повторяет затейливую форму корпуса.

Замечательный классический скелетон представил и дом Piaget. Разумеется, король ультратонких часов не мог попутно не установить очередного мирового рекорда: модель Emperador Coussin Tourbillon Skeleton — самые тонкие в мире автоматические часы-скелетон с турбийоном. Высота 46,5-миллиметрового корпуса составляет 8,85 мм. При этом Piaget пошел по проторенной Roger Dubuis дорожке: подушкообразный калибр 1270S высотой 5,05 мм — скелетон от рождения. Модель выйдет в корпусах из белого или розового золота.

1__Roger, Dubuis Exalibur Skeleton Broceliande

2__Roger, Dubuis Exalibur Skeleton

3__Cartier, Astrotourbillon Skeleton

4__Cartier, Crash Skeleton Watch

5__Piaget, Emperador Skeleton

6__Parmigiani, Tonda 1950 Squelette

7__Cartier, Tank Skeleton

7.

260 ЛЕТ ПО ХРОНОГРАФУ О ЮБИЛЕЕ VACHERON CONSTANTIN АЛЕКСЕЙ КУТКОВОЙ

___ Легендарные «американские» часы **Vacheron Constantin**, сделанные в 1921 году. Символ военного ар-деко

___ Формальные золотые мужские часы для коктейля с функцией «двойного» времени, 1982

___ Одни из самых сложных часов **Vacheron Constantin**, созданные для автомобильного магната Джеймса Уорда Паккарда в 1918 году

___ Новинка **SIHH** этого года — **Harmony Vacheron Constantin Chronograph Monopoussoir Pulsometre** с калибром 3330. Часы сделаны как оммаж модели Vacheron Constantin 1928 года

___ Новую мануфактуру **Vacheron Constantin** создал знаменитый швейцарский архитектор Бернар Чуми

Замечательной часовой компании **Vacheron Constantin** в этом году исполняется 260 лет. Еще совсем недавно женевицкие часовщики праздновали четвертьтысячелетний юбилей. Подготовленная к нему коллекция впечатляла, там были и уникальные настольные часы — настоящий арт-объект, и наручные часы *Tour de l'Île* — наиболее сложные за всю историю компании, и множество других прекрасных высокосложных и просто сложных часов... В то время юбилейная коллекция представлялась своего рода выставкой достижений, и такой подход воспринимался как совершенно логичный. Однако уже тогда возникал вполне законный вопрос — а что дальше? И отвечать на него в **Vacheron Constantin** начали еще в 2008 году, когда стартовала разработка коллекции к нынешнему юбилею.

В идеале наилучшим решением могли бы стать такие часы, которые были бы буквально пронизаны всей 260-летней историей компании. Утопическая идея? Как бы не так. Основным пунктом юбилейной программы наверняка значился отказ от всеохватного характера коллекции, главная тема была определена достаточно жестко: хронографы. Еще один пункт определенно касался акцента на женевицком происхождении компании, что должно было особо подчеркиваться наличием у часов коллекции знака наивысшего качества в часовом деле — Женевицкой пробы (собственно, ровно то же самое было сделано и в юбилейной коллекции 2005 года). Это было особенно актуальным, так как до того хронографов с Женевицкой пробой в коллекции **Vacheron Constantin** не было. Заодно было восполнено и иное упущение — часы с указателем времени второго часового пояса, механизм которых также был бы отмечен Женевицкой пробой.

Все это позволило создать невероятно стильную юбилейную коллекцию. Четыре новых хронографа, объединенных общим дизайнерским замыслом и исполнением, три новоразработанных хронографических калибра плюс один серьезно модифицированный — результат действительно впечатляет. Еще более впечатляет, что в хронографах юбилейной серии объединены новые технические разработки и «цитаты» из истории компании, примененные с большим вкусом: 1755-й, год основания предприятия, например, выражен в арабских гравировках, которой украшен либо один из мостов механизма, либо ротор системы автоматического завода; в 1852-м началось производство «докторских» карманных часов с независимой секундной стрелкой, в 1873-м были выпущены первые карманные хронографы

Vacheron Constantin, в 1917-м — первые наручные хронографы марки и, наконец, в 1928-м — наручные хронографы с очень красивым корпусом подушкоподобной формы и круглым циферблатом, именно они стали прообразом дизайна хронографов юбилейной коллекции.

Первая половина XX века — золотой век высокоточных наручных хронографов. Свойственную лучшим образцам механизмов того времени эстетику мы обнаруживаем в новых калибрах. Красота традиционной конструкции хронографа с боковым сцеплением и колонным колесом дополняется совершенством тонкой окончательной отделки всех без исключения деталей — это следствие скрупулезного выполнения требований Женевицкой пробы. На этом фоне совершенно уместными выглядят такие милые детали, как колеса с переключателями в форме мальтийского креста, эмблемы марки и детали крепления колонных колес в виде «шапочек» все с тем же мальтийским крестом — у сплит-хронографа их, естественно, две, у остальных — по одной.

Флагманская модель юбилейной коллекции — однокнопочный сплит-хронограф **Harmony Ultra-Thin Grande Complication Chronograph** (платина, 10 экземпляров), Калибр 3500 которого, безусловно, относится к категории сверхсложных и ультратонких: его толщина 5,2 мм позволила удержать толщину корпуса на уровне 8,4 мм, что всего лишь на 0,16 мм толще другой ультратонкой новинки этого года — **Piaget Altiplano Chronograph** (при существенно более сложной вачероновской механике).

Вторую юбилейную модель **Harmony Tourbillon Chronograph** (платина, 26 экземпляров) можно уверенно внести в список самых лучших турбийонов **Vacheron Constantin**: ротор турбийона максимально возможного размера очень изящен и выглядит невесомым (а такое сочетание функций вообще впервые появляется в коллекции **Vacheron Constantin**). Однокнопочный **Harmony Chronograph** медицинского типа (так называемый хронограф доктора, розовое золото, 260 экземпляров) с внешней красной пульсометрической шкалой циферблата, отградуированной на 30 ударов пульса, оснащен уже третьим новоразработанным для юбилейной коллекции хронографическим калибром, который обладает весьма неплохим с практической точки зрения 65-часовым запасом хода. Наконец, **Harmony Chronograph Small Model** (260 экземпляров) — четвертый и единственный женский хронограф юбилейной серии, его корпус розового золота украшен 84 бриллиантами.

ДУША В МЕХАНИЗМЕ О СТИЛЕ АР-ДЕКО ВАЛЕНТИН ДЬЯКОНОВ

ар-деко легче понять
через желание,
обладание и соблазн

___Афиша всемирной
выставки современ-
ных декоративных
и индустриальных
искусств, Париж,
апрель—октябрь
1925 года

___Хрустальные
флаконы для духов
Baccarat, 1925

___Тамара де Лем-
пицка, «Автопортрет
в зеленом Bugatti»,
1925

Так вышло, что у ар-деко нет границ: трудно отделить чистые проявления стиля от нечистых, потому что стиль этот эклектичен — все время посматривает назад, на другие эпохи, двигаясь вперед. Стилистически иллюстрации Обри Бердслея к «Саломее» Уайльда (конец XIX века) очень близки «Фобиям» американского графика Джона Вассоса (1930-е), а современную мебель Эктора Гимара не отличишь от столиков Арман-Альбера Рато. Это и понятно — возникнув после Первой мировой, ар-деко стало воплощением мечты о возвращении в «прекрасную эпоху», когда почти вся Европа наслаждалась невероятным подъемом промышленности и благосостояния. Развитие коммуникаций казалось шансом планеты на вечный мир — в доступности самых отдаленных уголков и средствах связи видели гарантию рациональности, идеальную систему сдержек и противовесов. Эта буржуазная цивилизация, основанная на экономике и скорости, сначала заполучила букет внутренних врагов, от теоретиков классовой борьбы до мистиков и декадентов, а затем перенесла мощный удар от немецкого милитаризма. Послевоенное время проходило под знаком возвращения к нормальности, а мастера ар-деко тщательно выполняли общественный заказ на красоту. Но красота — понятие расплывчатое, и все, что красиво (и хронологически вписывается в межвоенные десятилетия), не назовешь ар-деко, хотя многие историки пытались. Стиль ар-деко легче всего понять через желание, обладание и соблазн, а не аналитически, как другие направления искусства XX века, которые могут похвалиться теоретическими трактатами и обращением к самой сути человеческого восприятия. Для работавших в те же годы конструктивистов и рационалистов вещь была средством, а не целью: в системе объектов и рационально устроенных пространств главной задачей было упроще-

___Поль Пуаре,
зимняя куртка, 1926

___Настольные часы
в китайском стиле,
Cartier, 1931

— Нож для разрезания бумаги с часами, Cartier, 1930

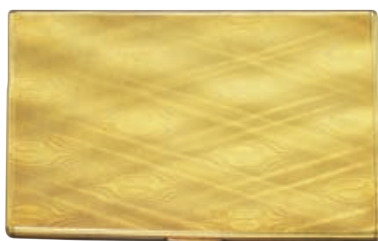
— Афиша Cartier, 1925

— Хрустальный флакон Baccarat, 1925

— Золотой минодьер Van Cleef & Arpels, середина 1930-х

— Золотой портсигар Bvlgari, начало 1940-х

— Робер Делоне. Павильон авиации на Всемирной выставке в Париже, 1937. Современная экспозиция в Центре Помпиду

романтика время от времени застывала в формах холодного гламурного великолепия

ние окружающей среды, которое должно было воспитать спартанца эры технологий, крепкого не столько телом, сколько разумом — на службе социальной справедливости и гармоничного миропорядка. Художники ар-деко, напротив, работали ради индивидуалистов, ради тех, кто хочет хотеть. Жилье, по версии функционалиста, напоминает рабочее, почти ничем не отличающееся от всех других и мало что рассказывающее о том, кто его занимает. Дизайнеры ар-деко, наоборот, оснащали свои интерьеры и вещи слоями отсылок к личной и мировой истории так, что из каждой детали можно было вынуть хорошую родословную. Пытаясь отыскать золотую середину меж двумя подходами, великий американский архитектор Фрэнк Ллойд Райт, автор знаменитой спирали Музея Гугенхайма в Нью-Йорке, писал в те годы: «Я верю, что романтика — дитя воображения, то, что мы носим в сердце, то, что необходимо для наслаждения жизнью, — должна снова проявиться. Без романтики наша архитектура превратится в нищий духом ящик с плоским фасадом и никого не вдохновит». Романтика, безусловно, занимала мысли мастеров ар-деко, время от времени застывая в формах холодного, гламурного великолепия, к которому в силу экономических причин оказались больше склонны американцы — например, архитектор Льюис Кан, придумавший Америке «золотой век», или Уильям ван Аллен, автор главного шедевра американского ар-деко, небоскреба «Крайслер». Между романтикой и гламуром располагаются самые запоминающиеся образы ар-деко. Неслучайно они оказались на обложках модных журналов, этих каталогов желаний, стремящихся выдать товар за билет в авантюрное будущее. Ар-деко — порождение модной индустрии, работающей на быструю смену приоритетов, и в каждом повороте силуэта и вариации форм можно распознать как приметы времени, так и особенности его проживания. Две журнальные обложки 1925 года похожи как сестры. На одной — художница Соня Делоне в «оптическом платье» собственного изготовления готовится сесть в автомобиль, расписанный футуристическим узором. На ней шлем, за спиной — стилизованное изображение компаса: иллюстратор Жорж Лепап выбрал Соню и ее машину как символ путешествий, главной темы январского выпуска журнала Vogue. На другой обложке — девушка в шелках и шлеме за рулем Bugatti, изображенная в динамичном диагональном ракурсе. Это автопортрет Тамары де Лемпицки для ныне забытого, в отличие от Vogue, журнала Die Damen. Обе девушки-художницы из Российской империи: Соня Делоне, урожденная Штерн, родилась в Полтавской области, Тамара де Лемпицка, урожденная Горска, — в Варшаве. Их биографии различны, как и темпераменты. Соня Делоне была воплощением аполлонического начала

ар-деко, его рациональной стороны, связанной с экспериментами абстрактного характера под существенным влиянием мужа, Робера Делоне, который придумал «орфизм» (термин поэта и энтузиаста Гийома Апполинера) — разновидность геометрической абстракции, своего рода умеренный футуризм. В 1917 году Соня и Робер познакомились с Дягилевым и оформили две постановки его антрепризы в Мадриде — «Клеопатру» и «Аиду». Первую мировую супруги Делоне провели в Испании, где Соня впервые профессионально занялась модельным делом и даже пыталась сотрудничать с Полем Пуаре, крупнейшим модельером ар-деко, придумавшим силуэт женщины 1920-х. Пуаре отказался ей помогать из-за того, что ее муж не воевал за Францию, но этот факт биографии Робера не помешал семье Делоне вернуться в Париж в 1921 году. Там Соня сотрудничала с лионской мануфактурой на производстве тканей и основала свою марку одежды, основанную на концепции симультанной моды. Суть симультанной моды заключалась в создании геометрически смелых нарядов, включенных в ритм современной жизни, склеивающихся со скоростью города. В 1925 году Соня попала на обложку Vogue и на Всемирную выставку в Париже, открыв на ней бутик симультанной моды. Всемирная же выставка 1925 года и была окончательной победой ар-деко над другими стилями, а заодно и последним доказательством изобретательности французской индустрии роскоши. Правда, успех преследовал Соню недолго: уже в конце 1920-х началась Великая депрессия, и ее производство закрылось. Позже, после Второй мировой, Соня стала первой женщиной, удостоившейся персональной выставки в Лувре, но это другая история. Тамара де Лемпицка в противоположность Соне была Дионисом в юбке. Дочь богатого корпоративного адвоката переехала в Санкт-Петербург после развода родителей в 1912 году, женила на себе польского аристократа, барона де Лемпицка, и уехала с ним в Париж сразу после Великой Октябрьской революции. Там она быстро освоилась в кругах местной богемы, общалась с Пикассо, Жаном Кокто и другими гениями модернизма и под их влиянием выработала свою манеру — смягченный неоклассикой Энгра кубизм, чрезвычайно привлекательный и коммерческий. Де Лемпицка была бисексуальна, крутила краткосрочные романы и с мужчинами, и с женщинами (в том числе известной писательницей Коlette) и старалась быть экономически независимой от мужа, которого изгнание из уютного кружка российской аристократии оставило без средств и воли к существованию. В 1925 году Лемпицка открыла первую персональную выставку в Милане, она писала портреты светских львов и львиц примерно за \$20 тыс. Плюс обложка для Die Damen, ставшая самой известной работой Лемпицки, источником вдохновения для сотен плакатов и иллюстраций ар-деко. Во времена Великой депрессии Лемпицку было уже не остановить: у нее появились клиенты из царских семей Европы и слава за океаном, куда она переехала с новым мужем в начале Второй мировой. К 1960-м ее популярность сошла на нет, но в 1980-е ею снова заинтересовались. Большая коллекция ее вещей есть у Мадонны, регулярно ссылающейся на Лемпицку в клипах. Женщины за рулем появились на обложках независимо друг от друга, и это показательно: ар-деко было стилем откровенно женским, без мачизма авангардистов. При этом десятилетия борьбы суфражисток за свои права наконец породили первый в XX веке общепризнанный образ независимой женщины. В Америке возник тип так называемых flappers, девушек себе на уме, не связанных узами брака и готовых бороться за собственную автономию. И это важная черта психологического портрета ар-деко: этот стиль был выражением прогресса, скорости и удобства, помноженных на забытую в годы войны роскошь.

ИГРА НА ЧАСЫ С HUBLOT В ЛАС-ВЕГАСЕ САБИНА ЧЕЛНОКОВА

Hublot Big Bang Unico Poker Tour, 2015: корпус 45,5 мм, версия в золоте — 100 экземпляров, версия в стали — 200

Не в стиле Hublot просто делать часы. Без идей, как эти часы представить. Вот, например: «Сыграть в покер в Вегасе».

«Уникальный и отличный от других, наш бренд снова первый...» — написано в приглашении. Стоп! Всплывают в памяти бубны, трефы, червы у Girard-Perregaux, джокер с арт-циферблата Bvlgari... Картежная эстетика в часах не нова. А что ж тогда нового придумали в Hublot?

Разберемся на месте. Позади океан и пол-Америки, мы в легендарном лас-вегасском отеле Bellagio и спешим на интервью. В его ожидании обнаруживается, что здешний маленький бутик — первый по продажам Hublot в мире. Картина начинает проясняться. Колоссальный город-казино, вечный праздник, сверкание незаходящих искусственных солнц, а также неона, бриллиантов, денег и фишек, длиннющие лимузины, громкие шоу... Все в масть. Кажется, что Hublot здесь не два года, а всегда. Такая удачная комбинация выпадает нечасто.

Рикардо Гваделупе, генеральный директор марки подтверждает мои догадки: «Мы в Hublot ищем вдохновение повсюду — от спорта до искусства. С покером вышло спонтанно, но сразу интересно — у нас много общего: умение оценивать шансы, принимать решения, которые, как и карточный ход, нельзя взять назад».

И все же кто начал игру? Соревнования по покеру ищут спонсора. «Мы встретились, и друг другу понравились. По-человечески. В альянсах это важнее денег», — говорит Гваделупе. World Poker Tour (WPT) — эталонный покерный турнир мирового масштаба, в нем участвует немало молодых игроков, смотрят его по телевидению миллионы обеспеченных людей разного возраста. Любящих выигрывать. Не чуждых риска. К тому же это тур. Сегодня Вегас, потом Макао, где в Китае у Hublot большой потенциал. Вот и ответ, в чем первенство: Hublot стала первой часовой маркой, инвестировавшей в профессиональный покер.

В чем же здесь заключается роль официальных часов и хронометриста?

«Наши часы показывают ход времени, их видят на телеэкране более 40 млн человек по всему миру. Ну и конечно, мы вручаем приз — сверкающие Hublot в нарядной коробке».

Рикардо Гваделупе протягивает нам часы. Big Bang Unico World Poker Tour. Прежде всего это Big Bang. Конечно, крупный — 45,5 мм. Минутный и секундный счетчики, дата. Сквозь скелетизированный циферблат с ярко-красными цифрами видна гордость мануфактуры — хронограф Unico. На поверхности безеля карточные масти, сдержанно прорисованные полированной и матовой обработкой. Яркий красноватый корпус выполнен из драгоцен-

Hublot — это прежде всего статусный символ, говорят покерные игроки

Президент Hublot Рикардо Гваделупе (справа) и президент WPT Адам Плиски открывают в Лас-Вегасе World Poker Tour

ного сплава King Gold — 18-каратного золота с добавлением платины. По стеклу задней крышки выведен логотип партнера — WPT. Версия в золоте предлагается в 100 экземплярах, стальная — в 200.

Сколько таких часов будет в России?

«Боюсь, меньше, чем закажут. У нас так постоянно с лимитированными сериями. Даже неловко перед нашими российскими поклонниками».

В год десятилетия Big Bang Hublot впору задуматься о том, в чем формула успеха. Конечно, здесь велика роль «отца часового fusion» Жан-Клода Бивера. Его идея соединения казавшихся несоединимыми материалов — это первая составляющая. Вторая, но не меньшая — продвижение бренда за счет событий и мероприятий.

Чего ожидать через десять лет?

«Мы делаем из Hublot настоящую мануфактуру, чтобы войти в пятерку лучших часовых брендов. В 2015 год начнется мировой тур Big Bang, мы покажем, что Hublot не только блеск и эпатаж, но и отличные материалы и серьезный механизм Unico, один из лучших в Швейцарии».

Соединение несоединимого и вправду свойственно Hublot. Сегодня вас пригласят на концерт Джей Зи, завтра — на мировой чемпионат по футболу, следом в Санкт-Галлен — посмотреть, как плетут на коклюшках знаменитые кружева, которые тоже используются часовщиками.

«Нам надо быть разнообразными», — подтверждает Гваделупе, — как и наши клиенты. Они в движении, много чем заняты, много что видят. Летят в Куршевель, потом в Сен-Тропе, потом на любимые соревнования — и везде Hublot. Прошли времена единственной идеи, увлеченности одним спортом. Главное для „искусства слияния“ — соединить традиционное часовое дело с видением будущего. Покер, спорт молодых и азартных — еще один мир, в который мы вступаем».

Начинается праздник в честь покерного тура. Над нами небо, усеянное огромными звездами (мы все же в пустыне, в Неваде), вокруг — подсвеченные фонтаны (мы все же в Bellagio). На почетном месте витрина с часами Hublot, возле которой зачарованно стоят игроки. Реакция оживленная: часы нравятся, как, похоже, и ощущение причастности к событию, к которому, в свою очередь, причастна марка Hublot.

«Hublot прежде всего символ, сразу заметный знак принадлежности к особому клубу», — продолжает Рикардо. — Эти часы не перепутать и с десятиметрового расстояния».

Стоящий рядом хозяин вечера президент WPT Адам Плиски раскладывает все по цифрам: «В 13-м турнире участвуют около 600 игроков со всего мира, каждый внес \$10 тыс. за право играть, победитель получит куш в \$1,5 млн и роскошные часы».

Рикардо отвечает улыбкой. Весь вечер она не сойдет с его лица. Poker Face — пожалуй, единственное, что здесь не имеет отношения к Hublot.

«В 13-м турнире участвует только 600 игроков со всего света, победитель получит куш в \$1,5 млн и роскошный хронограф Hublot», — говорит Адам Плиски

КОРОЛЬ ПИАРА О ЛЮДОВИКЕ XIV НИКОЛАЙ ЗУБОВ

___Кольцо с помпоном,
Yana, 2013

___Людовик XIV,
король Франции
и Наварры, «король-
солнце», 1638–1715

___Колье-воротничок
во французском
дворцовом стиле,
Rene Bry, 1950-е

___Серьги Boucheron
Frou Frou, 2009

___Барочная жемчужина в подвеске,
неизвестный
французский ювелир,
начало XX века

именно людовик xiv придумал и создал ту францию, которой восхищаются и подражают. причем сделал это не столько огнем и мечом, сколько блеском и роскошью

___Брошь «Принц»,
Van Cleef & Arpels,
Peau d'Ane, 2014

В этом году исполняется 350 лет со дня смерти самого известного французского короля — Людовика XIV. Именно он придумал и создал ту Францию, которой восхищаются и которой подражают. Причем сделал это не столько огнем и мечом, сколько блеском и роскошью.

Кардинал Жюль Мазарен, его крестный отец и возлюбленный его матери, научил Людовика править, более того, он не раз демонстрировал эффективность того, что сейчас назвали бы пиаром. Король, по мнению Мазарена, должен был быть всегда на виду, выглядеть, с одной стороны, доступным, с другой — недостижимым и принимать важные решения при максимальном скоплении народа.

Знаменитое «Государство — это я!» тому прекрасный пример. На самом деле ничего подобного Людовик не говорил. В марте 1655 года, когда парламент Франции вдруг решил собраться на внеочередное заседание, чтобы обсудить принятые им же в присутствии короля законы, которые парламентариям не очень нравились, взбешенный (частично из-за действий парламентариев, частично — из-за того, что Мазарен вызвал его в Париж с охоты) Людовик ворвался в зал, даже не сочтя нужным переодеться после охоты. «Господа, все помнят, какие несчастья вызвали собрания парламента. Я хочу избежать их повторения и желаю прекращения собраний, созданных в связи с принесенными мной указами, неукоснительного исполнения которых я требую. Господин первый президент, я запрещаю вам соглашаться на проведение каких бы то ни было заседаний, а всем прочим запрещаю требовать проведения оных». Уже на следующий день три предложения народная молва превратила в три слова: «Государство — это я!» И, надо сказать, Людовик XIV и кардинал Мазарен нисколько не препятствовали именно такой интерпретации королевской речи.

Король, правь он в XX веке, мог бы даже произнести: «Пиар — это все». Ведь действовал он соответственно. Уже переехав в Версаль, Людовик специаль-

Королевские часы и медали на выставке «От Людовика XIV до Людовика XVI» в новых залах Лувра

Брошь «Птичка», Van Cleef & Arpels, Peau d'Ane, 2014

Кольцо Dior Roi et Reines, 2009

Королевская мебель разных королевских эпох на выставке «От Людовика XIV до Людовика XVI» в новых залах Лувра

но выделил несколько часов для ежедневных прогулок в парке, где каждый достойно одетый подданный имел возможность подойти к нему и высказать свою просьбу или жалобу. У Людовика было одно качество, совершенно необходимое для хорошего пиарщика, — врожденное чувство вежливости. Он выслушивал каждого, как казалось всем окружающим, с нескрываемым вниманием и сопереживанием, а потом старался решить дело тут же, на месте. В последующие века такая модель поведения наиболее успешно применялась Уго Чавесом, который решал проблемы, увольнял министров и награждал верных ему венецуэльцев в прямом эфире многочасовой передачи «Алло, президент!».

Впрочем, самой главной пиар-акцией Людовика стало строительство грандиозного Версальского дворца. Жизнь во дворце, если вы не король, не была такой уж прекрасной и роскошной. Комплекс был выстроен в болотистой низине, не вполне подходившей для жилья. Жилые помещения были полной противоположностью залам и «королевской половине» — маленькие, душные и лишенные какого бы то ни было блеска. И тем не менее аристократу, если он хотел таковым считаться, приходилось не только жить в этих условиях и платить за них, но и поддерживать такой образ жизни, который соответствовал бы королевскому двору. Кто-то даже считал, что Версаль был придуман королем, чтобы известить аристократов. По крайней мере многие из них разорились. А еще дворец непрестанно расширялся и перестраивался, а потому все роскошные балы и праздники чаще всего проходили под аккомпанемент стука молотков и крики рабочих.

Тем не менее Версаль был грандиозной политической победой Людовика, который сыграл на тщеславии своих конкурентов, аристократов, владевших большинством земель во Франции, заманил их ко двору и потом сделал их совершенно зависимыми от короны. Произошло это если и не без единого выстрела, то почти без крови.

Побочным продуктом стало превращение Франции в законодательницу мод во всем, что касалось роскоши и развлечений. Итальянские мастера смотрели на то, как их влияние ослабевает, но сделать ничего не могли. Многие из того, что мы сейчас воспринимаем как само собой разумеющееся, было создано при Людовике XIV. В 1670 году французские мастера придумали «модные сезоны» именно как «маркетинговый» ход. Зеркала в полный рост получили распространение примерно в 1690 году. Париж приобрел городское освещение — «королю-солнцу» хотелось, чтобы его столица блистала и по ночам. Здесь был придуман даже высокий каблук.

Людовик XIV превратил Францию в самое влиятельное государство Европы, третью колониальную державу мира после Испании и Португалии. Войны Людовика были долгими — Девятилетняя война длилась с 1688 по 1697 год, война за испанское наследство — с 1701 по 1714-й. Они не принесли желаемого результата (страна за время правления Людовика не слишком расширила свои границы), но, как это ни парадоксально, превратили Францию не

просто в великую европейскую державу, а обеспечили ей доминирующее положение в Европе, которое она начала терять только после падения империи Наполеона.

Наш герой не был великим военным, он был весьма посредственным королем, оставившим Францию без гроша. Его правление запустило обратный отсчет времени Французской революции. И несмотря на все это, в мире он считается едва ли не самым великим властителем не только Франции, но и всего мира. Именно он первым приходит в голову, когда рядом произносятся само слово «король». Говоря о Людовике, вы не вспомните ни о войнах, которые он не выиграл, ни о революции, которую он фактически спровоцировал, ни о нищете, в которой жили его подданные, ни о темных и душных апартаментах в Версале, в которых приходилось жить его дворянам. Вы вспомните его балеты, его праздники, его моду, его кухню, его женщин. Вы вспомните о взлете изобразительного искусства, музыки, о любовных и политических интригах, подлинных или придуманных Александром Дюма. И это самое блестящее достижение короля пиара, каким, собственно, и был Людовик XIV.

Колье Dior Haute Couture, 2004

Главный пиар-проект и основная политическая победа Людовика XIV — комплекс Версальского дворца

НАМ ПОРА РИСКОВАТЬ ФАБРИЦИО БУОНАМАССА, BVLGARI

__Bvlgari, Lvcea, 2015

наша задача — как можно
эффектнее играть
с привычными кодами

Фабрицио Буонамасса руководит часовым подразделением великого дома Bvlgari. И, надо полагать, создавать часы в доме, который велик в первую очередь своими драгоценностями, совсем не просто.

— Вы показываете новинки во время Салона высокого часового искусства, но при этом в нем не участвуете. Презентуете часы скромно, на втором этаже женевского бутика...

— Во-первых, в это время в Женеву прилетает множество журналистов и байеров, и мы хотим показать им наши новые часы. Во-вторых, пользуясь случаем, мы устраиваем такую маленькую предбазельскую выставку.

— Что нас ждет через два месяца в Базеле?

— Я могу показать вам, конечно, не все. Вот, например, будет новая версия мужской модели Octa — с фантастическим глубоким синим циферблатом. Чтобы сделать такой циферблат, мы положили целых семь слоев полированного лака. Я должен сказать, что модели Octa пользуются большим успехом. Это не просто часы итальянской породы. Это особенные, римские часы. Они хороши и в любом размере. Ведь главное в них — форма.

__Bvlgari, Tubogas,
2014

— Что будет с женскими моделями, в первую очередь с часами Lvcea — базовой линией, которую вы запустили в 2014 году?

— Lvcea раньше были только на металлическом браслете — из стали, золота либо из того и другого. Строение браслета говорило внимательному зрителю о многом. Например, его звенья напоминали звенья наших легендарных исторических часовых моделей Serpenti. В браслете Lvcea они были сложены почти таким же способом.

— Зачем же вы предложили ремешок вместо браслета, изменив сложившуюся эстетическому правилу?

— Любая коллекция нуждается в развитии, и Lvcea — не исключение. Мы предлагаем цвет. Много цвета. Море! Это и нежно-розовый, и глубокий оттенок фуксии, и голубой, цвета морской волны, и оранжевый, желтый, зеленый. При этом можно выбрать и модели Lvcea с классическим металлическим браслетом. Они остаются в линейке.

— Какие часы вы покажете в Базеле?

— Наша главная задача сегодня — как можно эффектнее и глубже играть с нашими привычными кодами. На самом деле мало кто знает, насколько богата часовая история Bvlgari. Столько в ней секретов и находок. Мы покажем новые варианты Bvlgari-Bvlgari — это будут восхитительные объекты формата black tie. Плюс новые женские часы с усложнениями и прелестными разноцветными эмалевыми птицами, которые мы создали не просто так, это оммаж нашей исторической коллекции Naturele. Нам важно развивать и хорошо известные коды. Например, мы почти воссоздали нашу культовую коллекцию часов Tubogas, которая открыла целое направление в часах-пружинах. Не будем забывать о том, что и Serpenti — это часы-пружины, только они всегда были истинно ювелирными часами. Мы также возродили — и успешно — наши ювелирные часы высокого драгоценного класса. Во-первых, я имею в виду модели линии Diva — те, что с бриллиантами и ослепительными изумрудами, победили в ноябре на престижном часовом конкурсе в Женеве. Кроме того, у нас есть невероятные часы MVSA. Они напоминают римскую мозаику — только собранную из драгоценных камней.

— Будут ли сложные с точки зрения механики часы?

— Да, мы собираемся показать новую модель в корпусе, характерном для стилистики Daniel Roth — марки, принадлежащей Bvlgari. У этих часов особая форма. Сам корпус будет полностью стеклянным, внутри — механизм турбийона. Есть у нас и еще один стеклянный эксперимент. Довольно необычные часы с круглым корпусом из черного сапфира и прозрачным стеклом. Сквозь него можно увидеть работающие части кружевного механизма. Понимаю, что на фоне столь величественных римских Octo они смотрятся авангардно, но нам пора переходить и к рискованным идеям тоже.

Беседовала Екатерина Истомина

Я ПРИНАДЛЕЖУ МАРКЕ С НОГ ДО ГОЛОВЫ КАРОЛЬ ФОРЕСТЬЕ, CARTIER

АЛЕКСЕЙ ТАРХАНОВ

Кароль Форестье — знаменитый часовой инженер и единственная женщина среди главных часовых проектировщиков. Она училась в Швейцарии, начинала свою работу в известном на всю страну инкубаторе часовых талантов у Джулио Папи в бюро Renaud & Papi, а затем перешла в дом Cartier. В этом своем качестве она уже получала звание часовщика года на Grand Prix d'Horlogerie de Geneve в 2012 году. Но у Кароль Форестье, как и у Cartier, каждый год урожайный.

— Что из нынешней коллекции, созданной вами для Женевского салона SIHH, вам самой интереснее?

— Думаю, я вас не удивлю, если скажу, что больше всего я горжусь часами с «большими усложнениями». Конечно, это часы не на каждый день, их не станешь носить повсюду, но это демонстрация того, что Cartier может теперь достигнуть самого высокого уровня механики. Как у нас говорят, коснуться пальцем небес.

— У нас «попасть пальцем в небо» говорят совсем по другому поводу. И я с вашего позволения сейчас так и поступлю. Не слишком ли много в работе на Cartier дисциплины, не слишком ли узкие рамки и свирепые ограничения?

— Вы имеете в виду, не хочется ли мне сделать что-нибудь абсолютно сумасшедшее, вне всяческих «кодов Cartier»? Но, послушайте, этот дом жил без меня и будет жить после меня. Я очень уважаю своих предшественников и делаю это искренне, без малейшего принуждения. В конце концов, братья Картье недаром сделали Santos и Montres Mysterieuses — для этого нужна была безумная изобретательность. И я совершенно не собираюсь радикализировать их эстетику или менять стиль Cartier.

— Когда вы только начинали в Renaud & Papi, вам приходилось работать на Cartier?

— Да, над некоторыми моделями из Collection Privée Cartier. Но позвали меня не из-за этого, а после того, как я получила приз на конкурсе Breguet Foundation за часы с центральной каруселью. Меня заметили, и я начала придумывать новые механизмы для Cartier. В это время у дома не было собственного конструкторского бюро, и они захотели его создать. Мне очень повезло, я считаю.

— Вы работаете для других марок?

— С тех пор я работаю только для Cartier, у меня нет ни минуты времени для других, я принадлежу марке с ног до головы, и мне это очень нравится.

— С чего начинается ваша работа? Вам говорят: нам нужен такой и такой механизм? Или это вы говорите: а давайте сделаем механизм — такой и вот такой?

— Бывает и так и этак. Иногда мне вручали бриф, притом суперточный, а иногда — давали карт-бланш. Есть вещи, которые я смогла предложить.

— Какие, например?

— Астрорегулятор. Астротурбийон. Или Crash-скелетон с новым механизмом. Это была очень забавная работа, очень приятная. Раньше, когда вы видели Crash, вы думали, возможно: «Какой сложный корпус, но простой механизм». В новой модели механизм так же важен, игра продолжается и снаружи, и изнутри.

— Вы ведь француженка, как вам живется в Швейцарии?

— Я не просто француженка, я парижанка. Но в Ла-Шо-де-Фоне я училась часовому делу, приехала сюда в 16 лет, да так и осталась. Кстати, когда я училась, на курсе было мало местных жителей. Все еще помнили кварцевый кризис, который здесь свирепствовал, и микромеханика считалась не очень верным ремеслом. Теперь все по-другому, но и я стала местной, у меня здесь семья, дети.

— На часовых фабриках работает много женщин, но среди главных конструкторов вы единственная. Почему?

— Сама не знаю. Мне это кажется несправедливостью и даже какой-то глупостью, потому что если и есть область, в которой техника сделана для женщин, то это часовое дело. Меня уже спрашивали однажды, не надо ли к слову «часовщик» придумать в пару «часовщица».

— Вы принадлежите к поколению молодых часовщиков, многие из которых сейчас работают как независимые мастера. Каково, на ваш взгляд, будущее независимых?

— Я думаю, что им вдвойне тяжело. Сначала заставить себя заметить, потом остаться независимыми. А дальше есть выбор. Мне-то легко говорить, раз мне повезло попасть на такую фантастическую работу. Подумайте сами, какое это удовольствие — создавать новые механизмы для знаменитого дома, у которого тем не менее не было собственных сложных механизмов.

— Вы никогда не хотели создать свою собственную марку, выпускать часы Carole Forestier?

— Только этого мне не хватало! Я люблю проектировать, творить. А если я однажды создам марку, мне придется делать что угодно, только не это. Маркетинг, коммуникации, общение с клиентами и журналистами — гори оно огнем.

Беседовал Алексей Тарханов

__Cartier, Grand Complication, 2015

если есть область,
в которой техника
сделана для женщин,
то это часовое дело

__Cartier, калибр Grand Complication, 2015

МЫ ВСЕ ПОДВЕРГАЕМ СОМНЕНИЮ ДЕНИ ФЛАЖОЛЕ, DE BETHUNE

De Bethune,
DB25 T Zodiac, 2015

все в часах может быть
усовершенствовано

Дени Флажолe — один из основателей марки De Bethune. Француз, потомственный часовщик, учившийся в Швейцарии, он известен как один из наиболее вдумчивых и серьезных часовых инженеров, интересующихся самими основами ремесла. Мне приходилось видеться с ним в разных ситуациях — и на часовых салонах, и в жюри женевского часового конкурса Grand Prix d'Horlogerie de Geneve, эти встречи помогли мне разобраться в философии часового искусства.

— Как началась марка De Bethune?

— С нашей дружбы с Давидом Занеттой. Однажды мы поспорили с ним, что же такое теперь наручные часы? Как они должны выглядеть, что уметь? И мы решили сделать такие часы, какие мы хотим, просто для удовольствия, совсем не зная, что потом появится De Bethune.

— Ваши взгляды на часовое искусство совпали?

— Давид Занетта знает часы назубок, потому что он собирал часовые коллекции для больших музеев и часовых коллекционеров, ну а я работал реставратором и повидал на своем веку много замечательных старинных механизмов. Мы сложили вместе его образованность, его культуру и мои технические знания и решили разработать целую коллекцию часов. Это было самое начало новой часовой марки. Правда, в этой марке нас было всего двое — я и Давид, а потом всего трое — к нам присоединился еще один часовщик. Сначала мы решили создать маленькую часовую мастерскую, но очень быстро столкнулись с проблемой: мы поняли, что для того, что мы хотим сделать, на рынке нет механизмов. Те, что тогда были, не соответствовали нашим взглядам и требованиям.

— И начали с того, чем другие заканчивают, — с разработки собственного механизма?

— Куда же было деваться? У нас не было задачи «сделать марку» и начать добавлять свои, пусть интересные, модули к базовым покупным механизмам. Мы даже не вспоминали о маркетинге. Мы начинали с главного — с базового механизма, раз его нет, его надо выдумать. Это же ясно. И эта свобода, которую мы себе дали, возможность все перепридумать, пересчитать, перепроектировать, позволила нам создать по-настоящему современный механизм, который к тому же готов был принимать усложнения. И поскольку у нас не было обязанности использовать стандартные покупные детали, мы могли делать так, как мы хотели, руки у нас были развязаны. Так появились часы DB-1.

— Ваши первые часы существовали в скольких экземплярах?

— Мы сделали тридцать штук.

— И их быстро купили?

— Мгновенно. Давид показывал их своим друзьям, а друзей у него куда больше, чем было часов. Не всем досталось, я думаю. Друзья вдохновились и посоветовали делать марку. Но сделать марку — значит найти в наручных часах то, что никто не делал раньше. Я упрям, я из семьи деревенских часовщиков в Вогезах, мои предки все делали сами. Сейчас многие марки и многие часовщики жируют на доставшихся им даром часовых традициях. Они забывают, что часы были не игрушкой, а инструментом для измерения времени. Вот мы с Давидом и пошли назад. У нас были образцы — прекрасные настольные и напольные часы, мы видели великолепные вещи у Бреге. В карманных часах традиции поддерживались, но с момента перехода к наручным, честно говоря, осталось мало чего настоящего, удивительного, исключительного.

— Вы смелый человек, если в 1980-м решили сделать часы, которые еще никто не делал. Кажется, к тому времени уже перепробовали все, что только можно.

— Часовщики слишком быстро остановились. А после кварцевого кризиса 1970-х годов стали еще осторожнее. Я знаю о чем говорю. Тем более сейчас, когда большие марки не могут по-настоящему рисковать — и в техническом, и в эстетическом смысле. Зато мы все подвергаем сомнению, мы в постоянном поиске, в работе над материалами, над функцией — все может быть усовершенствовано.

— Чего же, по-вашему, не хватает?

— Послушайте, механическое искусство остановилось. Марки начали развивать технику усложнений. Это, конечно, любопытно, но гораздо труднее заниматься развитием базового, традиционного часового механизма, который казался простым и изученным. А ведь здесь есть над чем поразмыслить. Технология сильно изменилась, у нас есть другие возможности расчета, мы можем моделировать работу механизма и придумывать вещи, которые значительно его усовершенствуют. Столько всего еще предстоит сделать в часовой спуске, в колесной передаче, в креплении и амортизации шестеренок! Это целая вселенная.

— Как происходит ваша работа над новыми моделями?

— Так же, как и над первыми. Это наши разговоры с Давидом. Он приходит ко мне и говорит: «Я мечтаю о такой вот небывалой вещи». Он рассказывает, рисует, потом мы переходим к компьютеру, проектируем, делаем прототип, носимся с ним, обдумываем, что получилось. Понимаете, в каждой нашей вещи есть какая-то неразрешимая проблема, и как же интересно ее решить!

Беседовал Алексей Тарханов

мастера

МЫ ИЩЕМ РЕДКИЕ КАМНИ ЭУЖЕНИЯ БРУНИ, PASQUALE BRUNI

в базеле мы покажем
несколько сетов линии
high jewellery atelier

— Pasquale Bruni,
Mandala, кольца 2015

Эужения Бруни — креативный директор итальянского ювелирного дома Pasquale Bruni, который в 1997 году основал ее отец. Она уделяет много внимания не только дизайну драгоценностей, но и их удобству.

— Что мы увидим на Базельской ювелирно-часовой выставке, которая откроется меньше чем через месяц?

— Мы сейчас занимаемся нашей самой «высокой» ювелирной линией Atelier. Сегодня в ней есть только кольца — с очень редкими и крупными драгоценными камнями. На Базельской выставке дом Pasquale Bruni покажет несколько сетов, в которые будут входить и несколько коле Atelier. Нам сейчас очень важно развивать направление high jewellery.

Будут и совершенно новые коллекции, и новые версии уже известных и любимых нашими покупателями драгоценных линеек. К ним, например, относятся украшения коллекции Bon Ton, но только они будут представлены в форме драгоценностей из линии Atelier. Другими словами, мы будем поднимать Bon Ton до уровня high jewellery. Сейчас я увлечена массивными, очень большими драгоценностями из розового золота. Для меня розовый цвет — это цвет сердца. Будет много разноцветных ярких камней, которыми знаменита наша марка.

— На что вы больше обращаете внимания при разработке дизайна и изготовлении украшений?

— Наша семейная марка Pasquale Bruni знаменита тем, что мы делаем драгоценности, которые красивы со всех сторон, а не только, как это часто бывает, с одной. Моему отцу, начинавшему свою ювелирную карьеру еще в середине 1970-х годов, всегда было важно, чтобы украшение получалось буквально идеальным — как внешне, так и внутренне. Я тоже придерживаюсь этой стратегии. Но я много работаю и над тем, чтобы драгоценность хорошо сидела, чтобы она была не только красивой, но еще и удобной. Я ведь деловая женщина, у меня много поездок по всему миру, переговоров, презентаций, светских мероприятий. И я прекрасно понимаю, насколько важно, чтобы украшение — даже крупное кольцо класса high jewellery — было удобным. Чтобы его можно было быстро застегнуть и расстегнуть, чтобы его части не цеплялись за платье и так далее. Современная женщина живет, работает, путешествует в очень динамичном мире. И она хочет оставаться в этом мире красивой — в том числе и с помощью ювелирных украшений. Сделать их удобными — моя задача.

— Есть ли у вас свои технические секреты?

— Конечно. При разработке ювелирных украшений я использую, например, силиконовые макеты — рук, пальцев, шеи. Мы многократно тестируем на таких макетах наши будущие драгоценности, чтобы сделать их максимально удобными. Кроме того, все украшения, которые предлагаются нашим клиентам, я сначала проверяю на себе. Если что-то в конструкции вещи меня не устраивает, то я отправляю ее на доработку. У нас много композиционных сложных украшений — например, в популярной линии Sissi Io Amo, где есть гибкие браслеты. Поэтому тесты необходимы.

— Дом Pasquale Bruni всегда был знаменит и тем, что умел находить для своих драгоценностей эффектные и редкие камни. Какие камни вы любите больше всего? И по какому принципу их выбираете?

ЕВГЕНИЙ ГУРКО

— Pasquale Bruni,
Mandala, серьги, 2015

— Pasquale Bruni,
Mandala, колье, 2015

— Pasquale Bruni,
Mandala, подвеска, 2015

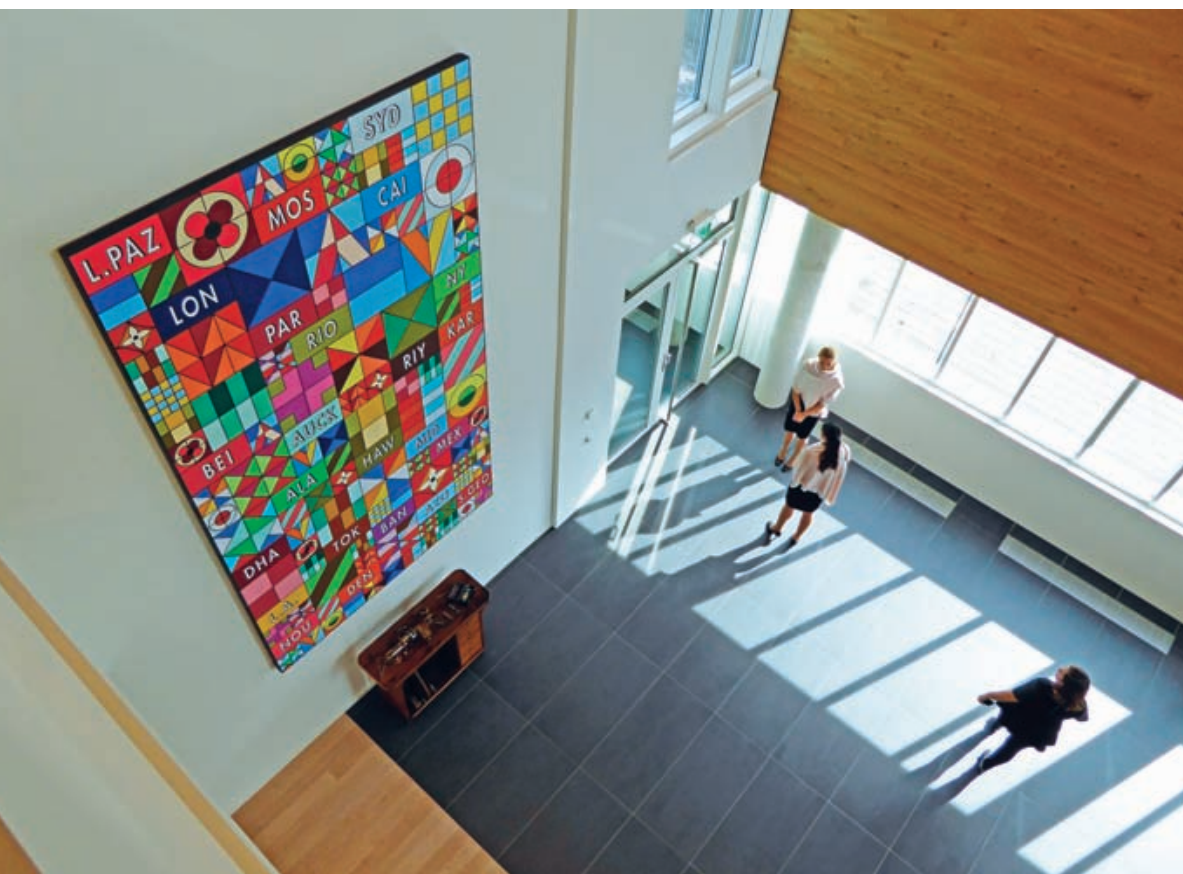
— Есть камни, от которых нельзя отказываться ни при каких обстоятельствах. Я говорю о классических белых бриллиантах, которые присутствуют почти во всех наших украшениях. Более того, например, в нашей знаменитой цветочной коллекции Prato Fiorito белые бриллианты — это главное. Но мы любим экспериментировать, искать новые камни, которые не используют другие марки. Моя личная гордость сейчас — это элеодор, редкий минерал цвета солнца. Самые необычные камни мы используем для украшений коллекции Atelier. Это танзаниты, золотые бериллы, морганиты, аквамарины, турмалины Параиба и зеленые турмалины. Мы постоянно ищем редкие камни. Высокого качества, конечно.

— Какая коллекция кроме линии Atelier вам сейчас интересна больше других?

— Наверное, я могла бы отметить Mandala. Это относительно новая коллекция, украшения которой мы сейчас выпустили в свежих версиях. Так, в очередных драгоценных вещах — колье, серьгах, кольцах и браслетах — мы использовали красивый нежный перламутр. Мне кажется, что эти белозолотые версии украшений Mandala Pasquale Bruni понравятся русским клиентам.

Беседовала Екатерина Истомина

ВРЕМЯ ДЕЛАТЬ ВРЕМЯ LOUIS VUITTON ОТКРЫЛА FABRIQUE DU TEMPS АЛЕКСЕЙ ТАРХАНОВ

— Хамди Шатти договорился не только о приобретении «Фабрики времени», но и решил перенести ее в Женеву

Тут и пригодится одно из лучших концептуальных проектных бюро Швейцарии La Fabrique du Temps и его мастера. Сама «Фабрика времени» родилась не в октябре 2014-го, а семь лет назад. Ее открыли в Ла Шо-де-Фоне два очень известных в Швейцарии инженера — Энрико Барбазини и Мишель Нава. Это было независимое часовое ателье, работавшее по заказам разных марок, в том числе и Louis Vuitton, часовые мастерские которого находились по соседству. До этого Барбазини и Нава вместе с третьим своим тогдашним компаньоном Матиасом Бютте составляли основу такой же независимой компании BNB Concept. Судьба их развела. BNB Concept разорилась, и Матиас Бютте ушел с несколькими своими сотрудниками работать в Hublot к Жан-Клоду Биверу. La Fabrique du temps прожила дольше, но в конце концов была куплена Louis Vuitton при деятельном участии Хамди Шатти, главы часового и ювелирного подразделения французского дома.

Не новичок в часах, профессиональный инженер и менеджер в одном лице, поработавший, в частности, в Harry Winston Rare Timepieces времен первых «Опусов», он убедил Барбазини и Нава в том, что под новым флагом им будет лучше. В конце концов, они сами всегда сопротивлялись судьбе, толкавшей их в кресла менеджеров, они хотели оставаться творцами. Тогда почему бы не довериться другим менеджерам с несравненно большим деловым опытом и всемогущей группой LVMH за плечами?

Хамди Шатти не только договорился о приобретении «Фабрики времени», но и решил перевести ее в Женеву. Строительство новой La Fabrique du Temps, стоившей около 20 млн швейцарских франков, продолжалось четыре года. О силе марки и качестве менеджмента свидетельствует то, что сроки работ были почти выдержаны. Сначала открытие предполагали провести летом, потом его сдвинули на осень.

Сейчас Louis Vuitton имеет в женевском районе Мейран полностью экипированную мануфактуру (четыре этажа и почти 5 тыс. кв. м рабочих площадей), которая способна производить самые сложные часы от начала и до конца. Именно здесь теперь создаются главные базельские новинки последних лет — Tambour Repetition Minutes и Escale Worldtime.

Кроме того, на «Фабрике времени» делают циферблаты — при мне мастера обрабатывали тонкие листочки перламутра и корпуса, украшенные знаменитым вюиттоновским узором-монограммой. Ради этого была произведена покупка мастерской Lemania Cadran.

Хамди Шатти был очень горд новыми пространствами. «Взгляните, — говорил он, — в каком дворце работают часовщики. У них лучшие и самые светлые помещения. Это мы, администрация, ютимся в клетушках. И это правильно». Отцы «Фабрики» — Энрико Барбазини и Мишель Нава — присутствовали на открытии, как будто бы для того, чтобы доказать, что ничего принципиально не изменилось и лучшие моменты La Fabrique du Temps впереди. Приобретение, сделанное Louis Vuitton, на самом деле часть большого процесса, который происходит сейчас в Швейцарии. Наступает конец независимых инженерных бюро. На рубеже нашего века они взяли на себя разработку самых необычных усложнений и готовы были делать механизмы для других, не ставя на них свое имя. Марки-заказчики могли утверждать, что все разработано самостоятельно.

Теперь большие группы предпочитают поглощать независимых часовщиков и делать их частью своего организма. Их начинают специализировать на механизмах и усложнениях, необходимых хозяевам. А менее богатые марки, которые могли раньше пользоваться их услугами, оказываются перед лицом необходимости заводить собственные конструкторские бюро, что не всем по плечу. Зато Louis Vuitton может теперь полностью использовать новую игрушку. Увидим на Базельской ярмарке 2015 года, что за время они произведут на своей «Фабрике».

«Модные часы» делают многие, louis vuitton хочет определять часовую моду

Женева сейчас — столица швейцарских часов больше чем когда-либо. Если раньше мануфактуры предпочитали район часового города Ла Шо-де-Фон, теперь марки слетаются на берега Женевского озера поближе к аэропорту, туристам-покупателям и соседней Франции.

Соседям теперь принадлежит значительная часть швейцарских мануфактур. Французский холдинг LVMH имеет в своей коллекции часовщиков и ювелиров Bvlgari, (итальянцев, но разместивших часовое производство не в Риме, а в Невшателе) часовые марки Hublot, TAG Heuer и Zenith. При этом главный дом группы — Louis Vuitton — делеет свои собственные часовые амбиции.

В октябре часовое подразделение Louis Vuitton торжественно открыло в Женеве новое здание мануфактуры. Оно называется La Fabrique du Temps Louis Vuitton — «Фабрика времени» — и будет заниматься разработкой и производством самых сложных и неожиданных для французской марки механизмов. Глава вюиттоновских часов Хамди Шатти считает, что бренд давно перестал быть производителем обычных моделей под модным брендом. «Модные часы» делают многие, он же хочет определять часовую моду. Это не так просто. Часовая мода — не в цветах и материалах, не в заемных лицах для дефиле, а в механизмах, которые надо создавать заново. Нельзя въехать в часовой рай на покупном моторе — стандартном калибре за две сотни франков.

МЫ БОЛЬШЕ ЧЕМ ЧАСОВАЯ МАРКА ХАМДИ ШАТТИ, LOUIS VUITTON

У Хамди Шатти две специальности — микромеханика и менеджмент, то, что нужно для того, чтобы руководить часовым производством. Он начинал работать в Piaget, Harry Winston и Montblanc, а с 2010 года управляет производством часов и ювелирных изделий в Louis Vuitton в качестве директора отделения Montres et Joaillerie. Мы встретились с ним на только что открытой в Женеве (об этом см. стр. 52) новой мануфактуре La Fabrique du Temps Louis Vuitton.

— Под вашим руководством в Louis Vuitton делают украшения и часы. В Париже с украшениями вы на Вандомской площади, здесь, с часами — вы в Женеве. Там — в гнезде ювелиров, здесь — в гнезде часовщиков, что нового Louis Vuitton может добавить одним и другим?

— Вандомская площадь очень консервативное, традиционное, прямоугольное, я бы сказал, место. Хотя и очень впечатляющее, конечно. Наша роль — сделать эту площадь более популярной, немного приблизить ее к публике.

— Вы это отчасти сделали вашими очень веселыми и очень художественными витринами. По сравнению с ними у ваших соседей все как-то скучнее.

— Я думаю, нам надо это развивать и дальше. Вандомская площадь несколько окаменела в своем величии. Мы хотим придать ей современности, динамики. И не только с помощью витрин, но и с помощью вещей, которые делают наши ювелиры, вещей, которые вы должны носить не только по особым случаям, но и каждый день.

— Ну а какова задача Louis Vuitton в Женеве? Зачем вы построили здесь целую фабрику?

— Мы хотим создавать часы, которые поддерживали бы традицию часового искусства и по-новому показывали бы время. Главное, чтобы новизна была не только внешней, но рождалась вместе с механизмом и дизайном часов.

— Значит ли это, что вы, как и многие другие марки, взяли курс на необычные, забавные, так называемые игровые усложнения.

— Тут есть два направления. Отвязанный эксперимент, представленный, например «Опусами» Harry Winston, к которым я, как вы помните, тоже приложил руку. Это отчасти разрушение традиции. Другое направление — слепое ей следование. И то и другое — не наше. Репетиры, турбийоны, вечные календари — это прекрасно, это классика, но мы должны в каждом из усложнений находить что-то свое, что-то соответствующее нашей марке.

— Приведите же пример.

— Louis Vuitton любит путешествия. И вот вам многоцветный Escale Worldtime с его удивительной системой мирового времени. Или Tambour Repetition Minutes — репетир с двойным часовым поясом, который, где угодно, стоит вам только захотеть, отзвонит вам домашнее время, время страны, где вы живете.

— В группе LVMH, в которую входят такие чисто часовые марки, как Hublot, Zenith, TAG Heuer, есть объединяющее их подразделение, которым руководит Жан-Клод Бивер. Почему вы ему не подчинены?

идеи рождаются внутри марки,
ими я ни с кем не готов делиться

— Louis Vuitton,
Escale Worldtime, 2014

— Потому что мы больше, чем часовая марка. В бутики Louis Vuitton люди приходят отнюдь не только за часами, поэтому не все подходы, полезные для часовых марок, применимы к нам.

— Чья была идея купить бюро концептуального проектирования часов La Fabrique du Temps и сделать его частью Louis Vuitton?

— Это был мой проект, но мой тогдашний шеф, бывший президент компании Ив Карсель, очень меня поддержал. Он поверил мне в том, что La Fabrique du Temps нам действительно нужна.

— Мануфактура La Fabrique du Temps отпочковалась от концептуального бюро BNB. Почему вы не обратились к BNB?

— Его к тому времени уже не существовало, а остатки взяла к себе марка Hublot.

— То есть BNB вы поделили между собой. Было три человека — Энрико Барбазини, Мишель Нава и Матиас Бютте. Теперь BN — Барбазини и Нава — у вас, а В, Матиас Бютте, — у родственной марки Hublot. Может, их стоит снова соединить?

— Не думаю, что это было бы правильным решением. Может быть, неплохо объединять усилия в инженерии, производстве, но идеи рождаются внутри марки, они связаны с ее идентичностью. В области осуществления мы часто сотрудничаем, мы покупаем, например, у Zenith их знаменитый механизм El Primero. Но идеями и концепциями я делиться не готов.

— Собираетесь ли вы разработать по примеру многих других базовый механизм для Louis Vuitton?

— Нет. У нас не такие объемы, нам вполне хватает первосортных механизмов нашей группы. У нас есть зенитовский Elite, у нас есть мануфактурный механизм, который производит TAG Heuer, в общем, вот этот вопрос вам как раз надо задать господину Биверу.

— Почему вы выбрали Женеву и ее коммуну Мейран, а не остались в Ла-Шо-де-Фоне, где раньше располагалась La Fabrique du Temps?

— У нас было три адреса. Был Ла-Шо-де-Фон, уже был Мейран, да и в Женеве у нас были еще помещения. Мы решили собрать все под одной крышей, подсчитали затраты и поняли, что лучше переезжать из Ла-Шо-де-Фона в Женеву, чем наоборот.

— Теперь вы можете претендовать на «женевское клеймо», Poincone de Geneve, которое дается только часам, производящимся в кантоне?

— Вы правы, но это не было аргументом номер один. Женеве — международная столица часового искусства, мы выступаем с намерением изменить традицию в часовом искусстве, где же нам быть, как не здесь?

Беседовал Алексей Тарханов

ГНЕЗДО ГОСТЕПРИИМНОЙ КУКУШКИ ВЫХОДНЫЕ В НЕМЕЦКОМ ТРИБЕРГЕ ЕКАТЕРИНА ИСТОМИНА

__ Курорт Триберг
в Шварцвальде
известен как родина
часов с кукушкой

__ Трибергский
водопад — самый
высокий в Германии

__ Jaquet Droz,
коллекционные часы
The Bird Repeater
Openwork, 2014

__ Jaquet Droz,
запонки The Bird
Relief, 2014

__ Жители Триберга
уверено называют
имя изобретателя
часов с кукушкой —
Франц Кеттерер

Триберг — это веселый курортный горный городок, важная точка сказочно-го Шварцвальда, красивой южной немецкой земли с живописными холмами, горами, просторами и, конечно, елово-сосновыми лесами, чьи привлекательные опушки пригревают небольшие деревушки в пять-шесть домов. Это место, где можно либо душевно успокоиться (жителей здесь всего 5 тыс. человек, зато масса отличных постоянных дворов и один роскошный отель — старинный Parkhotel Wehrle), либо немедленно сойти с ума. Дело в том, что Триберг известен на весь мир как родина часов с кукушкой. Правда, швейцарцы много веков оспаривают авторство на это изобретение, однако же немцы со свойственной им радушной прямотой продолжают настаивать на своем: «птичьи часы» придумал житель Триберга, выдающийся часовый мастер Франц Кеттерер, в 1762 году. Вот почему таких крикливых часов — самых разных видов, размеров, пород, темпов и тембров — в миниатюрном городке развелось необычайно много. Диковинный, хотя и искусственный птичий шум раздается здесь, в Триберге, из каждой щели, из-под каждой сосны, из абсолютно любого прилавка, будь то даже прилавок, торгующий сосисками с горчицей. А самые увесистые часы с кукушкой свили себе гнездо на центральной площади городка — на массивной низкорослой башне. Триберг — это самая настоящая Германия из сказок братьев Гримм с ее старинными расписными (или пряничными) домиками и шумными ледяны-

ми ручьями. Надо полагать, что здесь особенно тепло и уютно в заснеженные дни и ночи Рождества: ведь с упитанными еловыми и сосновыми деревьями, образующими цельную таинственную темную чашу вокруг городка, в Триберге тоже нет никаких проблем. Можно бродить часами — в самых романтических размышлениях. Но и дикого зверя — а это и олени, и косули, и кабаны — по округе бродит много, и об этом существенном зоологическом обстоятельстве постоянно напоминают дорожные знаки. Триберг (о котором, кстати, писала Марина Цветаева: «Постучишься — ветхая старушка / Выйдет, щурясь от дневных лучей. / Нос, как клюв, одежда земляная, / Золотую держит нить рука. / Это Waldfrau, бабушка лесная, / С колдовством знакомая слегка...») отважно, своими крохотными расписными цветными домиками, карабкается по высокой горе. Гора в Триберге не простая, а почти золотая: все ее пространство — это Национальный парк, а ее верхушки летит кубарем вниз 163-метровый водопад, самый высокий в Германии. Цивилизация в местных сосново-еловых лесах достигла немалых сентиментальных высот: у входа в лес, обрамляющий водопад, стоит деревянный домик. В домике старушка — может, даже та самая колдунья из стихотворения Цветаевой. Правда, если так, то в этом качестве бабушка предстает только под покровом сказочной ночи. В дневное время она просто продает пакетики с орехами для местных циклопических белок — по €1 за упаковку.

BR-X1 THE HYPERSONIC CHRONOGRAPH

Инновационная модель Bell & Ross BR-X1 – это идеальное сочетание авиационного инструмента и часов со сложными функциями. Невесомый прочный корпус из титана 5-го класса обрамлен ободком из высокотехнологичной керамики и снабжен резиновым ремешком. Эргономичные двухпозиционные кнопки позволяют легко управлять функциями хронографа. Сложный механизм хронографа-скелетона BR-X1, отделанный по всем канонам высокого часового искусства, отличается невероятной надежностью и легкостью. Ограниченная серия – 250 экземпляров.

Bell & Ross

ЭКСКЛЮЗИВНО В *Mercury*

Москва: ЦУМ, ул. Петровка, 2, бутик Bell & Ross, тел. 8 800 500 8000; Третьяковский пр., 7, магазин Mercury, тел. 495 933 3393; Кутузовский пр-т, 31, магазин Mercury, тел. 495 933 3031; Барвиха Luxury Village, 8-й км Рублево-Успенского ш., магазин Mercury, тел. 495 225 8870; **С.-Петербург:** ДЛТ, ул. Б. Конюшенная, 21-23а, тел. 812 648 0850.

ВЕСЬ МИР С ТОЧНОСТЬЮ ДО МИНУТЫ.

Товар сертифицирован | реклама

Часы Duomètre Unique Travel Time. Калибр Jaeger-LeCoultre 383.

Париж, Нью-Йорк, Токио, Дели... традиционная швейцарская точность в любой точке мира. У часов Duomètre Unique Travel Time с указателем мирового времени есть второй циферблат, на котором местное время может быть установлено с точностью до минуты, что было бы невозможно без запатентованного механизма архитектуры Dual-Wing. Мануфактура Jaeger-LeCoultre, собравшая под одной крышей 180 профессий, не видит пределов в развитии высокого часового искусства.

JAEGER-LECOULTRE

ВЫ ЗАСЛУЖИВАЕТЕ НАСТОЯЩИХ ЧАСОВ.

Бутик Jaeger-LeCoultre:
Москва, Столешников пер., 14, тел. +7 (495) 980 90 48
www.jaeger-lecoultre.com